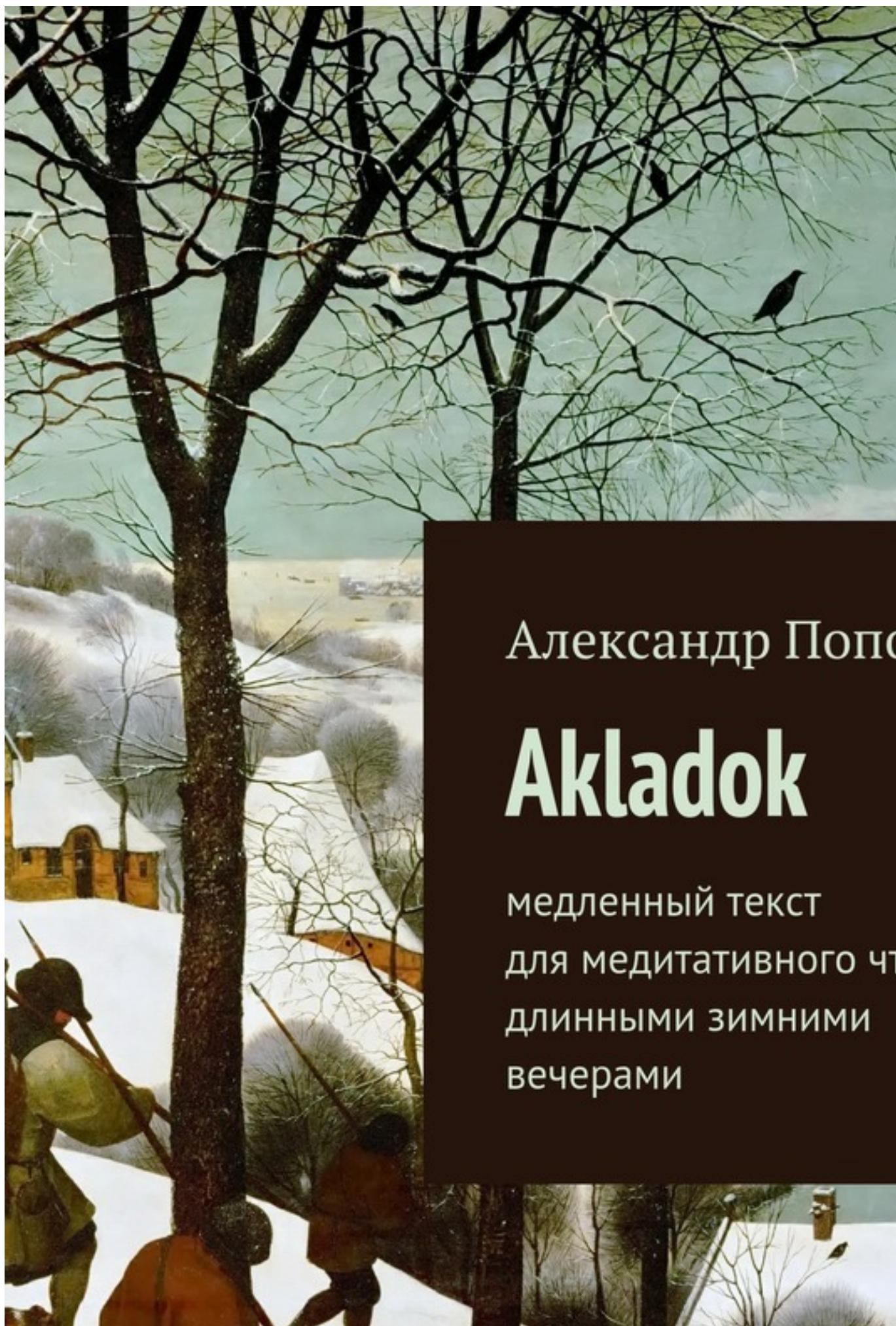

Александр Попов

Akladok

медленный текст
для медитативного чтения
длинными зимними
вечерами

Александр Попов
Akladok

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15122811
ISBN 9785447437541

Аннотация

Есть старое доброе утверждение, что мир вокруг нас – всего лишь майя, иллюзия. Но что будет, если эта иллюзия вокруг нас начнет понемногу рассеиваться? А что, если это происходит за вашим окном уже сейчас?

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	9
3	25
4	44
Часть 2	61
1	61
2	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Akladok
медленный текст для медитативного
чтения длинными зимними вечерами
Александр Попов

© Александр Попов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

– Здравствуйте. Вы меня узнаете?

Это произошло уже давно – почти три часа назад. Тогда Любовь Бродбаум, кандидат психологических наук, ныне совладелец небольшой американской продюсерской компании, проходила таможенную в аэропорту Шереметьево и пробовала осознать, что она вернулась.

Это было не самым эксцентричным желанием в ее жизни. Прочувствовать, что еще сегодня она вела большой американский автомобиль по subway, subway шел среди холмов с желтой как солома зимней американской травой, а ее мысли текли обычным деловым американским путем: где поставить машину; какие инструкции она не успела дать Луису; верно ли она планирует построить переговоры с Мосфильмом; какие подарки своим, теперь уже немногочисленным московским друзьям нужно будет докупить в duty free. И вот – она здесь. В городе, где всегда грязный асфальт, где таксисты напоминают жуликов или мафиози, где кругом жуткая зимняя слякоть, необходимость несколько раз в день чистить обувь и... совсем, совсем другие мысли.

Огни Москвы.

Эти огни всякий раз вызвали сложный букет чувств. Примерно такой, какой может вызвать когда-то близкий человек, который так и не научился жить, опустился, пьет и теперь живет в мире, здорово отличным от твоего. А ты помнишь его таким, каким он был тогда, когда был близким. Юным, мужественным, блестящим и подающим надежды. И вот, когда самолет пронес ее тело над зимними елями, над водохранилищем, недалеко от которого построил дом ее первый муж, над новыми коттеджами и старыми засыпанными снегом складами; когда она, наконец, шла по грязно-зеленому полу аэропорта, и ей что-то никак не давало по-настоящему осознать, что она действительно здесь: что самолет таки пересек Атлантику и большую часть Европы, что вокруг уже одетые снегом и инеем подмосковные леса, что впереди мокрый, грязный и сверкающий брызгами этой грязи город, в котором она оставила часть своей жизни, – кто-то осторожно тронул ее локоть, и нежный жесткий голос сказал:

– Здравствуйте, – и спросил, – Вы меня узнаете?

И она вздрогнула, словно это был почтальон с телеграммой и скрбным лицом.

Но это был не почтальон. Перед Любей стояла вторая (или четвертая – зависит от того, как считать) жена ее первого мужа Настя и улыбалась. Почему это так ее поразило?

У Насти очень хорошая улыбка: лучистая, в меру решительная, в меру робкая, в меру деликатная. И еще немного такая, как у Алекса, – как по студенческой привычке звали ее бывшего мужа друга – только без той доли хитрости, которая неизменно была в его глазах, что бы тот ни делал. Теперь даже интересно, у нее эта улыбка, от него или своя? Но тогда на Любу вдруг повеяло неким ужасом. Словно она вдруг вспомнила, что не выключила утюг или забыла об очень важной встрече.

Почему?

Настя летела из Парижа, где работала последние несколько месяцев. Семен, друг и однокурсник Алекса, познакомил их в один из ее приездов в Москву, и они довольно много общались. Приятная милая девушка, к которой у Любы остались самые добрые чувства. Теперь Настины отношения с Алексом разладились, у нее какой-то контракт с французами, и вот она прилетела на рождественские, по европейским традициям, каникулы и... оказалась первым человеком, которого Люба, тут встретила.

– Вы меня узнаете?

Нет, что-то не так. Гражданин Соединенных штатов Америки Люба Бродбаум уже давно не поддавалась смутным и непонятым предчувствиям. Родившаяся в небольшом сибирском городе, она привыкла, что все человеческие действия можно объяснить. И даже живя в Москве, даже изучая запрещенного в те годы Фрейда и Юнга, даже будучи три года замужем за таким необъяснимым человеком, как Алекс, она, всегда находила понятную причину своих побуждений, или, по крайней мере, была уверена, что может ее найти. Если захочет. Но вот прошло уже три часа, а она сидит на старом диване, пахнущем пылью еще советских времен, наблюдает, как за окном квартиры, которую ей заранее сняли друзья, сгущаются ранние декабрьские сумерки, и никак не может понять, причину своего беспокойства. Беспокойства, которое, как и тогда, в аэропорту, безо всяких объяснений собирается перерасти в страх.

Сорок минут назад она позвонила Алексу в офис.

– Александр Викентьевич уехал и сегодня его уже, наверное, не будет, – вежливо сообщила ей секретарша. У секретарши был нежный и добрый голос, в меру волнующийся и в меру твердый. Почти как Настина улыбка. Наверно сейчас Алекс неравнодушен именно к таким вот проявлениям женственности. И, скорее всего, имеет успех. Это понятно: их нежность и решительность, сексуальность и робость, разочарование в сверстниках, на уме у которых только пьянки и секс; желание дружбы, надежности, и чего-то, чего они сами не понимают. И вот все это встречается с таким понимающим и сильным, классным другом и интересным человеком... Хорошим человеком.

Мобильный телефон хорошего человека тоже не отвечал. Как знать, была пятница и его владелец, может быть, уже находился в обществе какой-нибудь другой дамы, или решил на время порвать с цивилизацией и уйти в леса, туда к водохранилищу в небольшой дом-избушку, построенный по проекту какого-то довоенного архитектора. Она как-то видела этого человека: старый сморщенный дед, которого Алекс трепетно называл своим другом. Они пили портвейн, и в глазах деда таилась грустная мудрая улыбка. Люба никогда не видела этот дом, но можно было предположить, что там, где он стоит, сейчас хорошо.

Замусоленные страницы записной книжки, которой было уже лет пятнадцать, в свете торшера казались еще более желтыми. Имена, фамилии и прозвища, написанные на русском языке ее старым почерком, сплетались в забытый образ ее самой, суевающейся внутри странного московского мира, с его неоформленностью, открытостью и наивностью.

Странно, теперь и тут капитализм, того мира нет, а этот образ лишь воспоминание, одна из частей ее жизни. И только ее приезды сюда оживляют то, что от него теперь осталось. Оставляя чувство неполноты, как если бы она, немного не доехав, повернула обратно.

В этот раз все должно было быть не так: никто не знал, когда она прилетит, кроме двух человек, с которыми у нее были чисто деловые отношения. Это был очень хороший план. Она примет ванну, отоспится, сядет пить утренний кофе, глядя на низкое серое небо и вдыхая запахи старой московской квартиры; слушая хлопанье двери лифта и топот соседей сверху. Ей хотелось немного просто побыть в этом городе одной: пройтись по улицам, понастальгировать, зайти в какое-нибудь новое кафе, купить что-нибудь в магазине и немного усталой вернуться обратно. И тупо сидеть на диване, или сделать комплекс упражнений тайцзы. И уже только под вечер позвонить кому-нибудь, кого она больше всего захочет после всего этого видеть и слышать. Так что же так тербит ее изнутри? Почему она плюет на эти свои планы с высокого дерева и снова берется за мутные, как ее воспоминания, клавиши телефона?

– Здравствуйте, можно к телефону Семена?

– Нет. Нету его, ушел куда-то, – неприветливый старушечий голос неприятно резал слух.

– Не могли бы вы..., – на другом конце провода повесили трубку. Видимо, он так и застрял в той вонючей коммуналке на Чистых прудах.

Очень жаль. Имя и фамилия владельца той комнаты на замусоленной странице телефонной книги рождали в памяти множество вечеров, поездок, концертов, репетиций и, как тогда было принято говорить, сэйшенов. Но цифры старых телефонных номеров напротив этой фамилии были зачеркнуты, и поверх них написан один новый. Студентами Семен и Алекс организовали группу, которая была даже популярна. На волне этой популярности Семен стал сниматься в кино, был довольно успешным продюссером, но как-то неожиданно прогорел, начал пить. Хороший добрый парень Семен – надежный, неуклюже грубый и веселый. Люба давно не вспоминала о его существовании. Значит, его дела так и не поправились. Жаль. Будь все немного по-другому, им было бы, о чем поговорить. В конце концов, он начинал делать неплохие вещи.

Люба поняла, что ищет в записной книжке телефоны других друзей Алекса. Их когда-то общих друзей. Неужели, ее намерения нарушить собственные планы так серьезны?

Ну хорошо, значит теперь Иван.

Иван играл в их группе на синтезаторе и фортепиано. И писал музыку. Неуклюжий, одутловатый, сосредоточенный на чем-то своем, он был во всей их затее с группой наиболее искренним. И честно пошел дальше, уйдя куда-то в неизвестность – его музыка стала чересчур сложной и теперь была никому не нужна. Код города, с которого начинался его телефон, по-видимому, изменился, и противный голос в трубке несколько раз сообщил Любе, о неверно набранном номере. Что ж, видно эта книжка уже не может соединить ее с тем миром.

– Вы меня узнаете?

Да, так бывает во сне: когда ни по лицам людей, ни по их фразам не понимаешь, что именно произошло, но чувствуешь, что это серьезно и тебе во что бы то ни стало нужно все знать. Но как это связано с удивительной Настиной улыбкой? А может быть, возраст? Перелет? Или действительно что-то случилось, а она не знает?

Еще раз попробовать включить телевизор?

Следовало немедленно прекратить эти бессмысленные звонки и успокоиться. Хотя бы для того, чтобы осознать, чего хочешь. Люба захлопнула книжку, закрыла глаза и постаралась ни о чем не думать. Вот она здесь, сидит в одном халате на старом диване, на пятом этаже старого блочного дома. В трех километрах от него – Красная площадь, в пятнадцати – спящие зимние леса и поля, в двадцати тысячах – Бостон. Невысокая еще симпатичная женщина, которая всегда знает, что делать. Вот она сейчас выпьет кефира и ляжет спать, а завтра утром проснется и спокойно разберется в своих желаниях. Люба сделала глубокий выдох, задержала дыхание, и в этот момент телефон зазвонил сам.

– Люба, добрый вечер, это Настя.

– Настя? Добрый вечер, – она поймала себя на чувстве облегчения, словно ждала именно этого звонка и, наконец, дождалась. И это необъяснимое чувство отразилось в ее голосе.

– Ты знаешь, у меня возникла идея, – возможно Настя тоже почувствовала подобное чувство, и ее тон из выжидающе робкого превратился в веселый и заговорщицкий. – А что, если нам прямо сейчас поехать к Алексу на дачу?

– Прямо сейчас?

– Ну да. Заедем в магазин, чего-нибудь купим, и часам к девяти будем уже там.

– А, м-м... Смелая идея., – Люба живо представила себе Алекса, уютно пьянствующего у камина с какой-нибудь хорошей и симпатичной особой, уверенного, что полностью затерялся в лесах и снегах, где его никто не сможет побеспокоить, и тут, в самый разгар веселья вваливаются сразу две его жены.... Как это не удивительно, он, наверное, обрадуется.

– В принципе я «за». А..., а почему ты думаешь, что он там? – глупая мысль, что Настя может передумать и отказаться от этого предложения, вдруг не на шутку испугала ее, – Но, в целом, знаешь, я даже очень «за».

– Здорово! – обрадовалась Настя, – А он совершенно точно на даче. Один человек, который с ним работает... В общем, я пойду, попробую завести машину, и если все будет нормально, через полчаса буду у тебя.

Сумерки за окном сгустились. В утепленных джинсах и толстом канадском свитере было тепло и уютно. Нет, ей всегда будет не по душе в большом городе, где за соседними домами не чувствуется дыхания тайги, где зимние дороги бессмысленно посыпают вонючей солью, где нет занесенного снегом здания вокзала... Но, к сожалению, этого здания уже нет и там, на маленькой станции, в маленьком городке среди поросших тайгой гор. Впрочем, там еще стоит ее школа, светится окнами дом, где живут ее родители. И снег... А где-то тут в этом городе или его окрестностях ходит ее самый первый муж Алекс, его друг Семен, Иван и еще некоторые не чужие ей люди. Так все нормально?

И, как ответ на этот вопрос противно и неожиданно громко затренькал дверной звонок.

– Привет! – радостно выпалила Настя. – Ты готова?

– Ты же знаешь, я всегда ко всему готова, – улыбнулась Люба.

– Ну, тогда..., – Настя улыбнулась немного виноватой улыбкой, – Что, в общем, поехали?

И только в этот момент, радостно кивая знакомой Настиной улыбке, Люба отчетливо поняла, что кивает так уже не в первый раз. Все это уже было.

2

Он положил на колени книгу, посмотрел вокруг, моргнул. Подмосковная электричка, городская соленая грязная жижа на полу, темные фигуры пассажиров, рассаживающихся по местам. Так можно было бы начать фильм. Длинный статичный кадр. Полутемное пространство, постепенно наполняющееся людьми, бегущая строка субтитров, хлюпанье шагов, шорох одежд и среди этого медленно проявляется звенящая волшебная музыка: ксилофон, флейта...

«Ну что? Ты уже, смутно представляешь, о чем пойдет речь, или, по крайней мере, ожидаешь чего-то? А зря. Я польщен твоим вниманием, но, вероятно, не оправдаю твоих представлений. Когда-то ты научился читать. Точно так же, как раньше научился говорить, кричать, двигаться, дышать. Сейчас тебе кажется, что это было давно, так как ты уже много-много времени делаешь все это. Ну и что?»

Ничего страшного, правда? За исключением того, что ты забыл, зачем это делаешь. И, еще может быть, того, что ты стал совсем не таким, каким хотел быть, когда учился всему этому. Но сильно расстраиваться, по-моему, не следует; многое из того, чего ты с собой не сделал – к лучшему. Что, впрочем, совсем не означает того, что ты уже сделал что-то стоящее или делаешь это сейчас....»

Да, странноватый текст. И знакомый. Словно он его и вправду читал.

Иван Оряхин, бывший клавишник группы «Новый год», ныне учитель музыки в небольшом городке в ста десяти километрах от Москвы оторвал взгляд от книги и снова устремил его в вагон. В кадре появлялись все новые пассажиры, а поезд почему-то никак не трогался. Нищие люди в странной, холодной стране, в старой, плохо освещенной железной коробке на железных колесах, которые, в свою очередь, стоят на железных рельсах. А они, люди, беспомощные, словно дети, – они рассредоточиваются внутри нее, стараясь выбрать не порванное сиденье; так, чтобы не дуло из разбитого окна, и чтобы под ногами не пованивала замерзшая блевотина. Они развешивают свои пакеты, забрасывают сумки на полки, и вот это копошение в грязи – в сущности, модель их жизни! Покорной и агрессивной. Выбрать место поудобнее, устроиться на нем и начать длинный, плоский и скучный разговор-сплетню. Или игру. Бессмысленную игру в карты. Или раскрыть толстый глупый детектив и читать. Про то, как некто за рулем белого «Кадилака» едет под пальмами, чтобы спасти мир. А в это время за окном будет вставать луна...

Что он здесь делает?

Ответ был очевиден. Иван вздохнул. Легкий пар изо рта поднялся куда-то вверх к тусклым давно немывтым лампочкам и вызвал чувство ущербного нищенского уюта. Да, домой, он снова возвращается обратно домой. Опять ни с чем.

Конечно, они были вежливы. В очередной раз поблагодарив его, сообщили, какой он талантливый парень, и как всегда пообещали обязательно позвать в следующий проект. Уж там его мелодизм будет точно соответствовать формату... Делали вид, что стараются не обидеть. И это было обидно.

Иван вздохнул. И, одновременно с этим, вздрогнул и плавно покатился поезд.

Люди, сидящие напротив него, одновременно качнулись. Люди, людишки.... А он сам? Неужели и ему, Ивану, всю жизнь не выбраться из всего этого? Он, так же как и эти обладатели кроличьих шапок, не в силах преодолеть злую волю, которая сделала из их жизни спектакль, а их самих превращает в марионетки. Иван еще раз вздохнул, поморщился. Так бездарно?

Словно в ответ на его мысль, поезд качнуло ещё раз. За окномплыли огни, мрачные склады и депо, косые лучи прожекторов высвечивали длинные заборы, бесконечные гаражи, матрицы из огней многоквартирных домов.

Нет, – решил он, – *здесь* не стоит читать эту книгу. А, может быть, вообще не стоит читать. Претензия автора на обладание недоступной читателю мудростью раздражала и вызывала недоверие. Как и все вокруг.

Особенно злили люди. Может это из-за тех пирожков, что он съел на вокзале?

Нет, подумай, – приказал он себе, – все-таки они разные. Вот тот – богатый, куркулистый, в ондатровой шапке – едет после какой-нибудь халтуры. Возвращается в свой город-негород, ... даже трудно назвать что. После какой-нибудь стройки или ремонта офиса – на более интеллектуальное занятие ни как не тянет. А этот – нищий студент, бедолага. Домой, к маме. Хочется съесть чего-нибудь вкусного, пообщаться на равных с богатыми центровыми ребятами – как все это знакомо... И у него впереди вечное невпопад, недовольство собой, стремление вперед – и опять бедность. Вечное отставание.

Но... жизнь конечна. Господи, неужели он, Иван Оряхин, докатился до того, что это его радует?! Раньше это обстоятельство всегда пугало и вдохновляло. Во всяком случае, как-то стимулировало тратить время с максимальным эффектом, независимо от того какая она, эта его жизнь. Почему же сейчас не так? Нет, хватит, думай конструктивно, думай так, чтобы это принесло пользу. Например, о том, почему им снова не понравился твой вариант заставки?

В вагон наталкивалось все больше пассажиров. В тамбуре человеческие тела в пальто и куртках стояли уже почти вплотную, но в середине вагона было относительно спокойно.

А те ребята сидят в своем кабинете в Останкино и уже давно не видят всего этого. Они приезжают туда на хороших машинах, в дорогой одежде, из хорошо обставленных квартир. С будничными мыслями, с неспособной к полету фантазией и неоригинальными мечтами; привычными мечтами о том, сколько они срубят в этом сезоне. И он не пробил их. Не зажег, не поднял, не повел. Как, наверное, не пробил бы своей мелодией и этого борова с пивом. Иван закрыл глаза. Значит она не настоящая? Или слишком тонкая, неформатная, нетелевизионная. Но что бы их вообще пробило? Какая-нибудь туфта, которую он не способен придумать. Или просто что-то предельно яркое? Иван нахохлился, и думал об этом долго, долго. Его мысль бродила среди мелодий, словно среди сказочного музыкального леса, где вместо стволов деревьев уходили куда-то вверх его собственные и чужие мотивы, новые шлягеры и просто гениальные пьесы. А когда открыл глаза, огни за окнами поредели.

Значит, и заснуть не удалось. Некоторые из пассажиров пробирались к выходу. Может быть теперь, станет не так паршиво: скоро вагон станет наполовину пустым, и темные невидимые из освещенного вагона леса будут оставаться где-то за грязным двойным стеклом и смотреть вслед поезду. Деревья обречены всю жизнь стоять на одном месте и смотреть на пролетающие огни. Или пробегающих под ними зайцев. И у них нет шанса что-то изменить, ибо деревья покидают свое место только мертвыми. Неужели и у людей есть такое место, которое они не в силах покинуть, и его, Ивана место, здесь, в этом грязном вагоне, среди этих голов, наполненных невозвышенным?

Что он делает не так? Есть же люди, которые пробились. Без родственнигов, без денег, без любовников. Приехали откуда-то издалека, завели знакомства, и их принимают. Безусловно, эти люди умеют общаться, умеют быть яркими; у них бешенная активность и трудоспособность, они не скованы своим прошлым, которое осталось где-то в других местах. Значит нужно стать таким? Или просто менять себя? Стать приятным, нравиться; быть таким, что бы всем этим продюсерам и режиссерам хотелось его слушать, научиться влезать в них. Но как? Как?

Скучный, плохо одетый, неухоженный тип, которому скоро стукнет сорок. Скованный в речах, некоммуникабельный. Жалкий, жалкий сочинитель никому не известной музыки... Которую когда-то, тем не менее, слушали и любили.

– Следующая остановка-ха – платф-м-ма..., – забулькало где-то в недрах промерзших стен вагона. Значит там за окном, – спохватился Иван, – уже давно лес. Снег, чистый морозный воздух... А он? Из большого грязного города в маленький, но не менее грязный. Какой-то человек с лыжами и легким рюкзаком ловко встал и исчез за раздвижными дверьми тамбура. Ивану было видно, как тот повернулся в профиль и приготовился выходить.

– Саш! – окликнул его Иван. – Алекс!

И испугался – зачем? Ведь это так нелепо – кричать, если за стеклянными дверьми и шумом колес ничего не слышно. И радоваться встрече с человеком, которого не видел несколько лет – это непредусмотрительно. Что он ему скажет? Если это конечно он. Хорошему умному Сашке, или Бродику, как того звали в школе, или Алексу, как его звали в группе и в институте. В общем, человеку, который по этой жизни двигается гораздо ловчее и умнее, чем он, Иван. «Какими судьбами?»? «Сколько лет...?»? «Ну ты как?»? Словно в двух слова можно объяснить это «как»? Так какого хрена его понесло в сторону тамбура?

– Сань, здорово! – выпалил он, когда поезд уже почти остановился.

– Ба! – обрадовался лыжник – Привет! – и уставился на него с видом человека, который... не много ни мало встретил хорошего друга. Непропорционально худое лицо, разные глаза, большой грустно-ироничный нос. – Надо же... Ванька! Пошли! Выходишь? Сейчас где-нибудь найдем для тебя лыжи и ко мне!

– Нет. В другой раз, – улыбнулся Иван.

– Ты..., гад! – кинул Алекс. – Где ты, дятел, раньше был? Целый час в этом вагоне... Позвони во вторник. Что-то давно..., – и, наклонив красивые пластиковые лыжи, ловко нырнул на платформу. – Не позвонишь – не позову на Новый год! Понял?!

– Ага..., – успел ответить Иван.

Поезд тронулся. Было легко представить, как там на платформе пустынно. Редкие пассажиры, спешащие куда-то в темноту. За уходящей электричкой тянется вьюжный след. Какого черта он с ним не вышел? Завтра же Суббота...

За дверью вагона, которая закрывалась не до конца, белый снег платформы сменила темнота, в которой существовали только поднятые поездом снежные вихри.

Покурю, решил Иван, уставившись в зияющий проем. Что-то не так; кажется, он что-то забыл. Из-за этой встречи с Алексом забыл что-то важное. Очень важное. Но как интересно бывает – вдруг встретишь человека, с которым не виделся очень долго и за какую-то секунду понимаешь, что этих лет как бы не существует. Потому что чувствуешь его близко-близко. Настолько близко, что потом можешь рассказывать о нем подробно и долго, и даже успеваешь для самоуспокоения заметить, что способность выбирать и плыть в жестком течении жизни – не спасает. По-видимому, даже у него эта жесткая жизнь берет слишком много. Он мог бы быть хорошим ученым, поэтом или музыкантом. Правда, поэтом весьма, судя по их совместному творчеству, посредственным. Но известным – вполне. И ни тем, ни другим не стал. Он тоже выживает, только по-другому. И, если все наши встречи действительно не случайны, – от этой мысли в груди Ивана неожиданно разлилась теплота, – то уж эта подавно.

Так курить или не курить? Наверное, все же закурить, решил он. Но так и не успел зажечь приготовленную спичку. Потому что в этот момент в тамбур вломились два огромных стриженных парня в кожаных куртках. Мрачным и недобрый облаком, они заполнили все пространство между дверями, огромными жесткими ручищами беспощадно схватили Ивана и прижали к стене.

– Он? – деловито прозвучало где-то над кожаным плечом. В ответ ему зашелестела какая-то бумажка, и тихий гнусавый голос вынес приговор: «Он.»

А в это время Максим Гуля, ученик 4-го класса, двоечник, прогульщик и филателист тупо шел по дорожке вдоль железнодорожного полотна и напевал какую-то незамысловатую песенку с матерными словами. Потому что у него, наконец-то, была цель.

Эта цель делала остаток вечера хоть немного интересным, а главное, давала возможность подольше не приходить домой. Где его ожидало не так много хорошего. Отчим, которого выгнали с работы, а он утверждает, что взял больничный, и для достоверности пьет; желтые обои в пятнах; старая мерзкая полированная мебель, покрытая слоем жирной пыли; противный тухловатый запах их квартиры – все это хотелось оттянуть куда-то совсем «на потом». Но что делать, если все ребята разошлись по домам, и куда идти, что бы не замерзли промокшие ноги? Ведь если идти быстро, быстро, то они согреются. Точно согреются, он проверял. Но вот, действительно, куда?

И несколько минут назад его осенило. Он вдруг вспомнил, что там впереди железнодорожные пути пересекает тропинка-лыжня. По этой тропинке-лыжне обитатели другой стороны поселка, где за заборами стоят старые-пристарые дома, окруженные соснами, садами и огородами, ходили через лес на горку, и, если по этой тропинке дойти до пересечения двух просек и затем пойти направо, можно дойти до самой дальней из них, на которой большие ребята наконец-то слепили из снега трамплин. А после горки по просеке к домам.

Это было классно, это было часа на два! К тому времени отчим уж точно отрубится.

Такая мысль не могла не радовать. Она влиwała в Максима энтузиазм и уверенность в будущем. Вот он и запел. Слева уже начался лес, дальше тропинка опускалась вниз и шла вдоль путей. И в его голове даже родилась надежда, что на горке еще есть какие-нибудь ребята. А что, почему нет? Конечно, уже поздно, да и темно и лес кругом, но вдруг. Лохматый и Додик – уже дома, смотрят свои видики и едят что-нибудь. Наверное, оладьи с шоколадным кремом. Но все же, может быть, кому-нибудь пришла точно такая же идея, и он тоже дернул на горку? Вот было бы здорово!

Сзади слышался гудок. Максим ушел на боковую тропинку и стал следить, как проносятся мимо желтые окна московской электрички. Поднимая облака снежной пыли, навстречу замерзшему лесу. На север. Вот бы вдруг очутиться в ней и ехать, ехать, ехать... Елки-моталки, когда-нибудь он точно уедет! Чтобы было интересно, чтобы каждое утро – что-то новое. И так долго-долго. По ярким городам, Голливудам и Дисней-Лендам; по морям, океанам и старинным замкам. Но потом он вернется. Потому что тут тоже хочется быть. Где этот лес, горки, железная дорога, где Додик с Лохматым. Даже Москва, и та, наверное, хуже, – так они позавчера с Лехой решили, – хотя в ней, конечно, столько всего...

Но, ни фиги себе.....!?

Максим так и не успел вспомнить, свою последнюю поездку в Москву. Он замер, и долго, как показалось, – ужасно долго стоял словно вкопанный. Настолько долго, что не сразу понял, что привлекло его внимание. А когда вдруг понял, вскрикнул и зажмурился. Ибо до него вдруг дошло, что он уже целое мгновение смотрит на черный, почему-то вызывающий тревогу, предмет, который удивительным образом отделился от одного из вагонов. И предмет этот – падает. И, о ужас! – этот предмет не что иное, как человек!

Ни фиги себе! Максим раскрыл глаза. Поезда уже не было. Наверное, показалось. Наверняка показалось. А все-таки, вдруг это труп? И его выкинули. Он ведь никогда не видел трупов, разве что бабу Дуню. А тут – настоящий! И вон тот бугорок – очень похож. Ведь, это точно, он туда и упал.

Максим стал осторожно приближаться к бугорку и вскоре подошел достаточно близко, чтобы разглядеть нечто вроде спины в темном пальто. Аморфной выпуклой спины – точно как у трупа.

А ведь у него может быть кошелек! Точно, кошелек, как он раньше не подумал? Наверное, это пьяный. Оступился и выпал, а в кармане у него кошелек. И вдруг там доллары? И тогда их можно поменять... или даже не менять – все равно на них можно купить столько всего! Видик, компьютер. Вот только не следует нести его домой. Спрячет где-нибудь в подвале и будет смотреть. Иначе отчим – он тут же пропьет. Потом, когда надоест, может быть маме покажет, а то она там, в своем магазине все с сосисками да маслом. А он ей раз! На мол, мама, смотри! Только не бояться....

И, преодолевая охвативший его ужас, Максим начал пробираться через сугроб к тому месту, куда упал труп.

В это время за восемнадцать километров от того места остановился лесовоз. Бывший хирург, бывший воспитанник ординатуры, ныне лесник и начинающий живописец Сергей Сергеевич Мухин – согласно местному этикету, просто Серега – высыпался из лесовоза, с грохотом захлопнул дверцу и, разминая сонное, непослушное тело, тронулся прочь.

После неожиданно теплой для такой колымаги кабины и сна, который сморил его полчаса назад, его телу теперь было зябко и неудобно в этом мире. «Нужно хотя бы рукой помахать», – подумал он о водителе, но пока оборачивался, грузовик тронулся и начал разворачиваться по следам местного автобуса. Шоферу, который одновременно крутил руль и поправлял съехавшую на бок меховую шапку, было уже явно не до Сергея. Что ж, ему тоже наплевать. И Сергей, махнув рукой в пространство, побрел к магазину.

Всем наплевать друг на друга, вот и славно. Даже замечательно!

Магазин еще светился, и от этого стало теплее. В магазине много вкусных продуктов, он сейчас купит их целый пакет и побредет на лыжах к себе. Или не побредет. Кто сегодня работает, Анжелинка? Тогда может быть и не побредет. Хотя нет, все равно побредет. Почему-то очень хочется домой. И тупо сидеть и слушать радио. А этот, – подумал он про водителя, – этот будет еще минут сорок трястись в своей колымаге до автобазы. Потом только минут через сорок попадет в свой квадратный дом. Квадратную квартиру с квадратной мебелью, где он будет сидеть за квадратным столом, смотреть квадратный телевизор. И пить водку.

Что-то со мной не то, – пронеслось где-то на периферии сознания. Словно в каком-то облаке или скафандре: мир неяркий и бедный, движения скованы. Тьфу, гадость какая. Сергей поморщился. Тело, живущее какой-то своей целеустремленной жизнью, подняло руку, толкнуло дверь магазина и вошло в свет.

– О-х-оо! – из-за дверного проема за прилавком появилась Анжелина. Мягкая, белая и в белом халате. – Ты уж совсем поздно. Я-то лыжи-то твои уж во двор выставила. Ну, там, за ящиками, – обратилась она к нему. Или к его телу?

– А-а-а..., – махнул рукой Сергей и огляделся. – Что это вы вдруг столько всего? – ветхие витрины были завалены красивыми импортными упаковками и бутылками. – У тебя ж тут это и за год не раскупят. Испортится же.

– Много ты знаешь! Там, у водохранилища Домик рыбака какой-то банк арендовал. Все французское шампанское уже скупили. Понял?

– Может и я чего куплю...

– Только быстрее, – поторопила Анжелина, и, посмотрев на свои часы, воскликнула, – Ого! Девятый уже. Ничего себе, цветочки!

Сергей изучал ценники. Детский Анжеликин подчерк, аккуратные цифры с круглыми нулями. Она была отличницей, это – точно. Аккуратной, исполнительной, с хорошей кожей и пухлыми щеками. И каждое утро ездила на школьном автобусе до станции. Где в длинном желтом здании лицемерные учительницы ставили ее в пример. Эх, Анжелинка.

Кто из этих банкиров может предположить, что та отличница жива до сих пор? Что девушка за цветастым прилавком, в которой вас, господа богатые отдыхающие из далекой турбазы, интересуют только цифры, которая она произнесет, и, нежное тело, которое не может не привлечь внимание любого ценителя женщин – эта девушка не убила в себе, ту, с пухлыми щеками из школьного автобуса. И до сих пор аккуратно собирает, классифицирует и расставляет по своим книжным полкам детские сказки. С въедливостью ученого. Словно хочет вычитать в них что-то вроде выхода из всего этого. А он, Сергей, никак не может найти для нее новую историю.

Любая жизнь – трагедия, не только его. Пусть он мучается. Терзается, что из призрачного рабства города попал в жесткое рабство деревни. И мечется. Но ему проще. Он может все бросить и уйти, хотя это легче сказать, чем сделать. А она?

– Анжелинка...

– Эй, ну ты чего? Ты, дурак.... Ты что, а войдут?

– Анжелинка....

Сергею до крайности мешал прилавок. Перелезть через него было неудобно: кассовый аппарат, деньги, какой-то поддон из-под рыбы. А прилавок – широкий, а Анжелинку так не хочется отпускать!

– Ты, Ты, идиот, Сережка, прекрати!

Усилием воли Сергей разжал руки, вернулся к двери, закрыл ее на засов и потушил свет.

– Сережка, ну ты что, идиот, а увидят?

– Анжелинка...

– Дурак, не надо...

– Анжелинка.

– Идиот, ну ты что, здесь... здесь же холодно.

– Нет. Ты все врешь, ты такая теплая...

– Дурак...

– Анжелинка...

Потом они сидели за маленьким столом в подсобке и молчали. Сергей вдруг удивился, какие у Анжелинки плавные движения. Словно у нее как бы два тела: одно ее, Анжелинкино, настоящее и другое – почти невидимое, вслед за которым это настоящее тело движется, улыбается, молчит. И сначала поднимается не эта ее гладкая и нежная рука, а та, другая. Поднимается, невидимая, тянется к полке, берется за ручку и уже потом, словно привязанная к ней, движется рука настоящая. И вот она, эта рука, словно то ничего не весит, тянет за собой все Анжелинкино тело, открывает дверцу, берет с полки то, что нужно. Затем движение останавливается, на миг замирает, и настоящее тело начинает тянуть Анжелинку назад, за стол. Она возвращается на прежнее место, сначала настоящая, потом и вся целиком, и вот снова сидит перед ним и улыбается. Потому что в руке у нее початая бутылка «Абсолюта».

– Не люблю я эти дорогие водки, – признался Сергей, когда они выпили. – У них какой-то вкус... безвкусный.

– Ага, – беспечно согласилась Анжелинка.

– Но, вообще, чего это ты «Абсолют» открыла? Банкиры угостили, да? – предположил вдруг Сергей. Уж очень сегодня Анжелинка была симпатичной. Такая плавная и умиротворенная. Даже не хочется пить. – Угощают что ли?

– У – а, – замотала головой та, – К Петровне Родик опять приезжал. На BMW! Во как. И у него там теперь не один магазин, а целых три. А денег..... Какому-то шоферу, кото-

рый его машину из снега вытащил, ну там, на повороте, – так целый литр дал. Вот так. А Петровны-то дома и не оказалось.

Потом они закрыли магазин, включили сигнализацию и вышли через двор. Начал задуть несильный ветер. Сергей надел рукавицы и долго смотрел Анжелинке вслед. Ему хотелось с ней и хотелось домой. Вот бы она пошла с ним! Но что дальше?

Сергей взял лыжи и медленно двинулся к лесу. Он не знал, хорошо это или плохо, но лес, казалось чего-то ожидал. Чего? И Сергей посмотрел на небо. Там, за легким теньями облаков, просматривались звезды и, как большой неизъяснимо мудрый глаз, смотрели на эту засыпанную снегом землю. И тогда он подумал, что они, земля и небо, похожи на две ладони, между которыми копошатся люди. Маленькие и смелые, глупые и ищущие, несчастные и нахальные. Нет, все-таки хотя бы сегодня все вроде хорошо, с улыбкой подумал Сергей. И в этот момент по небу низко-низко над землей бесшумно пронеслась большая темная тень.

Поле, неподвижная стена заснеженного леса под морозным небом, несколько домиков, обозначившихся справа теплым уютным светом. Оттуда лаяли собаки, и пахло жильем.

Наконец-то!

В прошлом архитектор, писатель, мыслитель, и соло-гитара группы «Новый год», а ныне рядовой предприниматель, Александр Бродбаум, именуемый друзьями Бродик или просто Алекс, поставил палки на снег и остановился.

ЭТО стоило долгого созерцания. А воздух – того, чтобы его вдохнули. А голова давно заслуживала что бы из нее выкинули все, что еще оставалось в ней от московской суетной жизни, и загрузили хорошие теплые мысли о том, как идти дальше, о том продолжена ли лыжня в еловом лесу за полем, и достаточно ли крепок лед на ручье у болота. Ведь это произошло, он здесь.

Здесь! Классно.

Еще полчаса назад он был в грязной электричке, в которой просидел среди каких-то странных мрачных ребят в кожаных куртках почти час. А это значит, что полтора часа назад он пробирался в толкучке вокзала на скользких лыжных ботинках и невеселые усталые люди, спешащие после работы на поезд, смотрели на него как на инопланетянина. Впрочем, в метро на него смотрели еще хуже, но всех переплюнул, пожалуй, охранник в его подъезде, когда увидел, что Алекс пошел не в гараж, где стояли два его автомобиля, а просто на улицу, с рюкзаком и лыжами. Как простой лох! И было это всего два часа назад. И всего три часа назад эта идея пришла к нему в голову. Отличная идея плюнуть на все, бросить мобилы дома, а внедорожник в гараже и, обманув названивающих ему друзей и предновогодние пробки, уйти. С небольшим рюкзаком. Как в песне. И вот теперь...

...Теперь, стоя на этой опушке, он мысленно пролагал путь по ночным просекам и полянам к другой опушке, где через час с небольшим он зажжет точно такой же огонек. Где теплые деревянные стены и печь, где он съест что-нибудь вкусное, вдоволь напьется горячего чая, завалиться на кровать и будет читать, читать, читать.... Зная, что за этой бревенчатой стеной лес, мороз и заснеженные елочки лапы. И никого.

А потом он уснет, и все это будет окружать его сон. И никакой телефон, никакой будильник не ворвется в него, грубо раскалывая на части то, что может дать хорошо уставшему человеку завывающий в трубе и лесных деревьях ночной зимний ветер. И будет морозное белое утро и большая деревянная лопата. Ясная легкая голова, ароматный черный кофе и поход в соседнюю деревню за хлебом; приятные мелкие дела. А потом, еще до того как снова стемнеет, может быть, придет она, самая прекрасная женщина на свете. Нет, на это раз

обязательно придет! И тогда все еще раз преобразиться, и эта замечательная жизнь перейдет в еще более замечательный ужин.

И вечерняя слякотная Москва теперь где-то далеко, в другом мире.

Наконец-то!

И он уже действительно забыл о неготовом тексте контракта, который следовало бы подписать во вторник, длинном списке несделанных звонков и даже Ване Оряхине, встреченном в грязном тамбуре электрички. Просто собаки в деревне лаяли так по-зимнему... И он слушал их, словно это Pink Floyd.

Потом оттолкнулся палками от рыхлого снега и пошел. Держась на елки в дальнем углу. Испытывая неожиданно сильное облегчение, что идет именно туда, словно не пересекал это поле, а совершал некое космически значимое действие.

Наконец-то все было так, как он давно хотел. И хотел правильно. Потому что сейчас, когда природа спит, когда все внешнее замирает, когда силы, погружающие нас в материальный мир тонки, и он, этот мир, наиболее близок к волшебному, – сейчас надо быть именно здесь, среди всего этого.. И, входя в лес, Алекс подумал, что, если с миром, в котором он живет, и может что-то произойти, то это произойдет именно в такой вот длинный зимний вечер.

В этой мысли было что-то настоящее. Невидимая лыжня плавно внесла его в длинный проход между громадных заснеженных елок, большинство из которых росло тут намного дольше, чем он, Алекс, ходил по земле, и, впуская в себя покой этого места, он попробовал на этой мысли сосредоточиться. Она показалась ему соответствующей окружению. Но, не успел он уйти далеко в лес, как его словно ударило током, и чужой холодный голос внутри него отчетливо произнес «Вот и все».

«Действительно, так вот раз – и все», подумала бывшая колхозница, ныне пенсионер и мелкий коммерсант Мария Петровна Колюшкина и начала нервничать еще больше. Она нервничала, стояла на платформе и пыталась делать вид, что ничего не происходит. Да, конечно, ничего особенного, но из головы никак не лезла глухая, навязчивая и пугающая мысль. Мария Петровна пыталась отвлечься и помыслить о чем-то хорошем. Или, поскольку хорошего в ее жизни уже давно ничего нет, о чем-то плохом. Например, о том, что у дочери опять нелады с мужем, или о том, как ее обматерила почтальонша. Или о том, где взять деньги на подарок внуку. Но даже это не помогало. Потому, что завладевшая ей мысль была на удивление ясной и четкой: вон те два парня в плоских шапочках и кожаных куртках – убийцы.

Нет, хорошо, что она его не продала...

Хотя, что она раньше времени? Мало ли что почувдится? Вот ведь они стоят спокойно и курят, ни кого не трогают. Может быть, и не тронут. Правда, уж очень похожи на тех сволочей, что прогнали ее этой осенью от магазина. Пошла мол, бабка, отсюда, это – наша территория. И еще выдумали, что они там за порядок отвечают. А кто их назначил? С какой это они стати там за порядок отвечают? И ведь еще и подталкивали! И, что противно, не заступиться никто, все мимо идут. А они своевольничают, никого не боятся. Что за время такое ужасное выпало на ее старость? Вот выйдешь на платформу, а там поездов нет, темнота, холод, и убийцы сговариваются.

Убийцы....

Нет, хорошо, что она его не продала. Отняли бы, да еще по голове чем-нибудь шарахнули. И все. Им это – раз плюнуть, обнаглели совсем. О чем только думают эти политики в Москве? Кричат, руками размахивают, глаза круглыми делают – наверное, за власть

борются. А молодежь? Обнагдела до предела, думает все им можно. Думают, все такие убогие да безответные. У них и огород отнять можно. С таким трудом возделанный! И по ночам с оставшегося пяточка урожай воровать. Нет в мире справедливости, не было и нет. А иногда так хотелось бы...

А теперь еще эти, убийцы.

Из темноты, проявляя светом прожектора кружащиеся над платформой снежинки, появилась электричка. Она приближалась медленно-медленно, словно не опаздывала на целых пятнадцать минут. Медленно остановилась и медленно, словно через силу, раздвинула двери.

Хорошо, что люди какие-то внутри, подумала Мария Петровна, оглядывая редких пассажиров. А то просто жуть берет. И эти..., пускай они едут там, в соседнем вагоне. А она посидит здесь у окна, хотя здесь и не топят. Но это – не беда, сейчас нигде не топят. Конечно, если как ей, не далеко, – вытерпеть можно, а если до самого конца? Даже если, как она, во всем теплом, да в теплой шубе. Потому, что ноги через полчаса так замерзнут, что больших пальцев уже и не почувствуешь. А если так аж целые сутки ехать? Скорые поезда – они иногда вообще без окон ходят, где уж там печка. И как там люди ездят? Да еще на Север!

Мария Петровна поежилась и подумала, как ей быть, если придется зимой ехать куда-нибудь на скором. Ей даже показалось, что она нашла какой-то выход из этой ситуации, но тут сзади послышались равнодушные шаркающие шаги, и на сиденье за ее спиной кто-то сел. Все мысли в ее голове быстро улетучились, а саму ее бросило в холодный пот. Потому, что она сразу поняла – это они, убийцы.

Убийцы!

Это же надо, ужас какой.

Мария Петровна прислушалась, убийцы молчали. Наверное сговорились. Чего им ласы точить? Молча приедут, войдут и убьют. И пойдут себе дальше. Она уже решила, что эта ужасное молчание так и будет сопровождать ее всю дорогу, как сзади слышалось:

– А там рядом че-то есть. Слышь, забегаловка там какая-то.

– Вот и загрузишься, – не очень приветливо ответил второй. И Марию Петровну даже передернуло, до того неприятный был у него голос. Просто уродливый. – Загрузишься, сколько надо. Но потом.

– Потом..., – вздохнул первый. – А ты что, подумал, я каждый раз после этого грузюсь?

– Не, – отрезал второй. – Мне фиолетово. Просто перед Калачом я отвечаю. Я, доходит?

– А чего, сразу доходит? У меня вообще все чисто. Как в операционной, ты понял?

У меня ни одного раза...

– Молчи, – раздраженно процедил его неприятный напарник. Неприятно-неприятно, как ножом по стеклу. Затем добавил, – Пока сам не увижу....

– Увидишь. Но... чего-то я не въехал. А он вообще тот был?

– Тот.

– Такой кекс.. Ты, это прикинь, такой кекс и Калач... Я чего-то вообще не въезжаю. Что они не поделили? Он что, журналист?

– Тебе-то зачем? Много будешь знать, мало будешь жить.

– Да я так. Просто там холодища....

Наступила пауза.

– Холодища... А вот чего спешил, чего спешил, а? Доктор, бля, – тоскливо ругнулся противный голос.

– Чего, доктор.. Ты знаешь, сколько вытечь может?

– А тебе-то что? Не твое. Или ты тут по ночам шныря изображаешь, вагоны моешь?

– А кто их сейчас вообще моет? Но ты прикинь, а брызнет и на тебя? Будешь тут по вагону вампира изображать?

– Закройся! – зло прошипел убийца с неприятным голосом. – Все равно пойдем. Лучше сто раз проверить и убедиться. Всегда.

И замолчал. Надолго. А потом сказал что-то, но очень тихо.

– Чего, в натуре? – удивился его напарник. – Чего, правда его дочку музыке учил...?

– Не ори. Я что, сказал дочку? Девчонку одну.

– А-а. Это та, совсем молодая, значит... Ну, с Фабричной, да? Что, не тому ее учил, Да? Во дает! А вроде не скажешь, да? Такой кекс...

– Ты еще громче Помнишь, что с Клепой было...?

Но то, что хотел поведать обладатель неприятного голоса про Клепу, Мария Петровна уже не услышала. Объятая несказанным ужасом, она вышла в тамбур и приготовилась к выходу. Нет, во сто крат лучше в тамбуре мерзнуть, чем ехать с такими вот. Окон нет, скользко, да и страшно, конечно, но на душе легче.

Нет, что не говори, хорошо, что она его не продала. Просто очень удачно. А ведь подумать только, каких-нибудь пару часов назад мучилась: продать – не продать? Но, спасибо тебе, Господи, удержал. И теперь он лежит у нее в сетке, точно такой, как их показывают в кино, маленький и черный пистолет.

Не продала. Это ж просто везение!

Двери отворились. Мария Петровна выскочила на платформу и быстро-быстро засеменила к лестнице. У нее было желание уйти куда-нибудь подальше от этого странного поезда. Туда, вниз, в темноту. И затаиться там, в этой темноте, стать незаметной, невидимой. И только тогда, когда послышится скрип снега под колесами автобуса, быстро, очень быстро идти к остановке. Что бы сразу влезть в него и уехать. Домой....

Мария Петровна прошла, нет пролетела, мимо пяточка остановки, мимо темной коробки «Пивного бара», мимо припорошенной снегом машины, которая, тем не менее, стояла около его входа, и, увидев тропинку, уходящую куда-то за бар мимо покосившихся штабелей ящиков, свернула туда. Она почти вбежала в их тень, в небольшой закуток, где днем, по-видимому, сидят грузчики. И, тяжело дыша, присела на один из ящиков.

Вот и все. Тут в темноте ее не видно; зато ей видно все, что там под фонарями делается. Мария Петровна поставила сетку на снег и посмотрела на дорогу. Но там...

Лучше бы она не смотрела. Там чуть слышно скрипя снегом, двигались те, от кого она с такими усилиями пыталась скрыться. Они шли не быстро, но и не медленно. Молча, прекрасно зная, куда идут. И делая вид, что идут просто так. Повернули на дорогу, ведущую вдоль железнодорожного полотна, поравнялись с тропинкой, по которой Мария Петровна ушла в свое укрытие, и, пройдя мимо нее, проследовали дальше.

Убийцы!

Господи, сколько же можно-то?

Нет, это все-таки очень удачно, что она его не продала. Видно на то и вправду – Божья воля. Мария Петровна вздохнула, и, положив пистолет в сетку сверху продуктов, так, что бы его можно было быстро достать, осторожно тронулась за ними. Ей казалось, что она еще не разучилась быстро ходить.

– Ой-о-ой! Отпустите, отпустите! – закричал чей-то высокий голос.

Иван разжал руки и открыл глаза. Было темно и холодно. Словно под одежду специально напихали ледяного и колкого снега. Мир, состоящий из каких-то теней и линий, сумбурно кружился вокруг него, а среди этого сюрреализма куда-то в темноту пятилась маленькая заснеженная фигурка.

Что это? Что за чушь? Он только что стоял в тамбуре, хотел закурить. И тут...

Его выкинули! Зарезали и выкинули! Точно, у того подонка был нож, ему, Ивану, не удалось увернуться, и теперь он будет замерзать здесь, в снегу, у железнодорожной насыпи. И истекать кровью.

Господи!

Иван сел. Сердце бешено колотилось. На непокрытой голове выступили капли пота. Куда же он его пырнул? В сердце не попал, это – очевидно, да и в других местах вроде не больно. Только гудит голова. Ноги с руками – на месте и приемлемо шевелятся. И мокро. Может быть, он все-таки увернулся, и это – не кровь?

Иван начал сосредоточенно рассматривать свое тело и, наконец, увидел то, что искал. Из его груди торчала красивая гладкая ручка ножа. Только как-то странно и под углом.

Иван осторожно потрогал ее рукой и не почувствовал ничего кроме слабой тупой боли. Словно трогал ушибленное место. Так, может быть, нож сломался и все в порядке? Или... или он уже больше не чувствует боли. Ибо у него больше нет тела, – он же его не чувствует! Иван осторожно запустил руку под пальто. Рука дрожала и никак не могла сориентироваться. Вместо лезвия она нащупывала что-то твердое и прямоугольное.

Книга!

Неужели?! Нож попал в книгу и сломался! И он, в общем и целом, жив. Жив!

Иван быстро вытащил нож за ручку, но ничего не почувствовал. Странно, лезвие цело. Цело и чисто. Ничего себе! Нет, правда, ничего себе! Эта книга, замечательная книга спасла его. Ему дали почитать. Вовка, сказал, что это кто-то из его друзей написал, но, несмотря на это – очень стоящая вещь. Верно, там стоит имя автора, знакомое такое имя, и он ее прочтет, теперь обязательно прочтет. Потом найдет этого Вовкиного друга, и обо всем расскажет. Надо только спрятать ее поглубже в карман, и – домой! Вот только сумка, а в ней продукты. И, вообще, где он?

Иван осмотрелся и только тут вспомнил про небольшую фигурку, застывшую в метрах двадцати от него.

Какой-то мальчик.... Со школьным рюкзаком.

– Эй? – проговорил Иван. – Эй, не бойся. Скажи, где мы? Ну... какая тут станция рядом, а?

Мальчик молчал.

Иван попытался подняться. Тело было каким-то ватым, но слушалось. Это удивительно, что он ничего не сломал. Впрочем, поезд только тронулся, а это значит...

– Слушай, здесь где-то рядом должна быть платформа. Да? – проговорил он и огляделся.

– Ну.... да, – ответил настороженный голос.

– Это недалеко? – Иван все никак не мог встать: сугроб был глубоким, и он только сползал в нем ниже по насыпи. – З-зараза, – выругался Иван; в этот момент ноги нащупали что-то твердое, и он, наконец, смог подняться.

– В-вы извините, – проговорил мальчик. – Вы так здорово полетели! И я подумал....

– Что?!..., – неприятно пронзило Ивана. Кажется, этот ребенок хотел его обокрасть! А он-то думал – помочь. Какой хороший мальчик! Бедняга. Но так холодно... Надо бы двинуть на станцию, может быть там можно где-нибудь обогреться. И шапка... где его шапка? Ведь приличный мороз. Еще какой-нибудь менингит...

Но все. Надо взять себя в руки. Не дрожать, не горбиться, не делать затравленного выражения лица. Господи, как это трудно – распрямить ноги, если они подкашиваются. Ужасно....

– Н-нет, кажется, я х-хорошо приложился, – все-таки пробормотал он. – Это точно. С такой в-высооты...

– Водки вам надо выпить, – выпалил мальчик с участием. – И побольше. Четкий способ, мой отчим, как чего с ним сделается, как задаст! И все проходит. Даже добрым становиться. Во!

– Н-ну раз даж-же отчим..., – Иван выбрался из сугроба. – Если даже твой отчим... Придется. А то что-то как-то не по себе. Но куда же идти?

– А туда! – крутанул рукой мальчик.

Иван пошел сзади. Думая, как хорошо, что тропинку присыпало, и не скользко. Мерзла голова, слегка болело плечо, и отчего-то дрожали ноги. И следовало бы отряхнуться... Мальчик что-то говорил. О какой-то горке, дураке Игнате, который смотрит видик, и о том, как хорошо иметь горные лыжи. А потом вдруг обернулся и не менее категорично спросил, – А за что они вас?

А ведь действительно, за что? Иван сделал слабую попытку увернуться от жутких воспоминаний, – от них почувствовал почти физическую боль – но увернуться не удалось, и перед ним, как в кошмарном сне, парализуя волю и обволакивая безысходностью, возникли большие темные фигуры. Только в этот раз, вместо мощного удара в грудь, они метнули быстрый как выстрел ответ. А за то!

И Иван понял, что они вернуться. Они из тех, кто доводит дело до конца. Ужасное дело, результатом которого должна стать его смерть. Мрак, полет в никуда, какое-то дикое сальто-мортале, по сравнению с которым его падение из вагона – мелкие неприятности.

Нет, они и правда вернуться. Хорошо, очень хорошо, что он взял с собой нож. Только нельзя волноваться. Это глупо. Все вокруг, впрочем, тоже глупо. И складывается так безысходно! Ведь на станции наверняка нет милиции, а кассирша не укроет его у себя. И кто ему поверит? Может быть, вовсе не следует идти на станцию? Но они уже близко. И, с другой стороны, куда еще идти? В лес? Найдут по следам...

– Эй, куда вы так спешите?! – прокричал сзади мальчик. – Следующая электричка еще не скоро!

И, правда, куда?

– А ты э-э-э... Ты здесь живешь? – спросил Иван, останавливаясь.

– Ну, – решительно подтвердил тот.

– Где здесь милиция?

– Ну, у станции. Там и почта, и милиция. Ты туда хочешь идти? Но там уже никого нет.

– Как это нет?

– А чего им сидеть? Они все – по домам. Разъехались. Тут только дядя Виталий живет. Он там, в этом... ну паспортный стол называется.

– Идиотизм, – раздраженно проговорил Иван. Ему стало обидно, что его никто не защищает. Он не нужен ни кому в этом мире. Его даже никто не ждет. Кроме, может быть, его комнаты, его рояля, его нот. Какая это жестокость! Никто так и не узнает, что он мог написать. И что написал. И этот дядя Виталий... Зачем этому дяде рисковать ради него жизнью? И эти огни в домах... Сидящие за этими окнами прекрасно себя чувствуют, слушая халтуру. Вот, если бы на его месте был кто-то из этих конъюнктурщиков... Но, все же, нужно что-то делать. Идти на станцию...

– Тебя как зовут? – попытался отвлечься Иван.

– Максим.

– Почему ты в лесу так поздно?

– На горку шел. Я же говорил. А что?

– Да так...

Тропинка расширилась и мальчик Максим теперь шел рядом с ним.

– Музыку любишь?

– Ну, – с достоинством ответил тот.

– Группу «Новый Год» слышал?

– Какую?

– «Новый Год».

– А-а-а.., – протянул Максим. – Это что-то старое, да?

– Я там играл. И писал песни, – Иван попытался как можно менее жалким голосом напеть кое-что из их репертуара. – Слышал?

– Ну, – соврал тот. А, может быть, и не соврал.

Они были уже у станции. Автобусная остановка, закрытый пивняк, большой, но не очень новый BMW. Иван остановился. Задрал голову и вдруг успокоился. Потому что вдруг понял, куда он теперь направиться. Прямо над ним покачивалась запорошенная снегом табличка с расписанием автобуса и названием места, куда он идет.

Алекс! Он поедет к Бродику! Прямо сейчас! Конечно, ведь автобусы должны еще ходить. Он спрячется где-нибудь, что бы не напороться на тех..., если они, конечно, вернуться. Вот только купит что-нибудь вон в том киоске, внутри которого такие красивые бутылки. Кошелек-то на месте, а на одну Смирновскую там хватит.

И он найдет, обязательно найдет тот дом. Алекс ему когда-то объяснял, а он вспомнит. Они сядут у печки, разольют по стаканам, и он не спеша все расскажет. А что, замечательное приключение – выкинули из электрички! На полном ходу! Теперь есть что вспомнить. И, может быть, там есть гитара...?

И этот мальчик... Его жалко. Он знал таких. Один из них сидел в его классе сзади, у шкафа. Всегда не выспавшийся, не умытый, плохо одетый и резкий. А потом его еле откачали – чуть не убил собственный родитель. Какая жестокая штука жизнь, в которую они попали! Нет, он определенно возьмет мальчугана с собой. Он хороший. Иван обернулся, что бы сказать об этом Максиму, но застыл пронзенный ужасом. Из-за остановки, прямо на него двигались две фигуры. Те самые!

Вот и все...

Внутри Ивана все остановилось. Неужели? А может быть.... Нет, они. Иван застыл и обреченно смотрел, как они приближаются. От них шла такая обессиливающая уверенность, что его тело отказывалось бороться. И только какая-то жалкая в своей никчемности мысль билась о стенки сознания: «Что делать?! Что делать!?»

– Эй, парень, у тебя покурить есть? – проговорил один из них, как ни в чем не бывало. С улыбкой! И это было совсем жутко.

– Нет, – тихо ответил Иван. И с энтузиазмом замотал головой. Словно заклиная неизвестно какую силу «Нет! Нет! Нет!...»

– Автобуса ждешь? – поинтересовался второй и стал медленно приближаться.

– Автобуса...

– Ну, не суетись. Он скоро будет. – Рука бандита медленно опускалась в карман.

И ведь никто даже не поймет, успел подумать Иван. Но тот почему-то вынул руку обратно и как-то странно посмотрел в сторону. Около машины стояла женская фигура в старомодном пальто. У нее были слегка согнутые ноги в старых сапогах и вытянутые вперед руки, в которых был зажат небольшой черный пистолет. Руки фигуры не дрожали.

– Ого! Баб Маня! – восхищенно проговорил Максим.

Темные парни вдруг быстро дернулись и исчезли за остановкой. Фигура в старомодном пальто метнулась за ними, и через секунду из-за бара послышались несколько несильных сухих хлопков.

– Только в одного попала, – с грустью вымолвила Мария Петровна, появляясь из-за ящиков. – И то несильно. Убежал, гад...

– А-а-а-х-х-т-ы-ы-б-л-л-я-я-а-а-а! А-а-а-а-а! – разнеслось среди леса. И растворилось в морозной тишине.

Алекс остановился, и замер.

Этого не могло быть. Совсем. Никак. Во всяком здесь и сейчас. Хотя бы потому, что тот же самый крик он слышал двадцать минут назад около болота. И место, где он теперь находился, связывало с болотом только эта лыжня. И он Алекс все это время по ней довольно быстро шел. Что за фигня?

Этот крик ему не понравился и тогда, когда он пересекал замершие болотные поляны. Первобытный, дурной и наглый: услышав его там в первый раз, Алекс встал, как вкопанный – настолько это противоречило всему вокруг. Даже смахивало на галлюцинацию. Вокруг этот лес, похожий на сказку, тишина, в которой все замерло в долгом зимнем ожидании чего-то чудесного. И лыжня, текущая сквозь все это и чистый здоровый морозный воздух... И вдруг дурной отчаянный вопль. Который, Алекс понял это сразу и точно, галлюцинацией не был. Тогда что? Или кто?

Крик повторился. Очень даже реальный.

Какой-нибудь ненормальный, – попробовал тогда представить Алекс. Обкурился. Словил белочку. Ну и шел бы он, к лешему! В компании которого, ему самое подходящее место. Ори, пока не охрипнешь, – скривился Алекс и пошел вперед. Выкинув эти крики из головы, будто их и не было.

Но примерно через минуту крик послышался ближе. Стало неприятно. Алекс всегда утверждал, что глухой лес – самое безопасное место. Особенно ночью. Но жуткий вопль не только противоречил этому тезису, – кроме отчаянья и крутого безумия в нем слышалась некая персональная угроза, словно кричащий знал о его, Алекса, приближении. И предупреждал. Странно, подумал Алекс. И противно. Действительно, сознавать, что в этом лесу, раскинувшись на многие километры вокруг, кроме тебя находится какой-то тронутый – это может сломать весь кайф. Кем бы этот урод ни был.

А действительно, кем? – задумался Алекс. Местным мужиком, который пошел срубить елку на новый год, но переборщил с согревающим? Или браконьером, который впал в белую горячку? Или человек тоскует, что потерял дорогое ружье? А если не потерял? Зачем ему, Алексу, нужны такие встречи? Он хотел оттянуться, уйти, оторваться от этого жесткого мира, который пытается гнуть все и всех под себя. И то, что какое-то тупое зло настигает его даже здесь, представилось ему нечестным и несправедливым. Как удар изподтишка.

Выходит, тот мрак, в который погружается вся жизнь вокруг, добрался и сюда. А он так долго хотел иметь здесь дом! Любой, но именно здесь. В этих местах, с которыми у него связано очень многое. Возможно, всего лишь для того, что бы вот так поздним зимним вечером идти туда, к этому дому – морозным лесом, заснеженными лунными полянами, по скрипучему снегу. Пребывая самим собой. Он делал то, что не хотел делать, рисковал, тратил силы и отпущенное ему время, – в надежде на то, что бы иногда, пусть недолго, но жить так, как хочет его сущность. Получается, мир отнимет у него и это?!

Вопли повторялись. В каждом следующем вопле угроза слышалась еще четче, и Алекс подумал, что этот псих, возможно, действительно хочет кого-нибудь убить.

Его самого уже давно не пугала собственная смерть. Он знал, что та уничтожит, а что нет. Она даже представлялось ему чем-то, несущим облегчение, чем-то сродни болезни, когда вынужденно откидываешь все дела и проблемы и остаешься в постели. Но мысль умереть от руки, а главное, – от воли человека, наводила на него некий мистический ужас.

Словно став жертвой, он возьмет на себя не меньшую вину чем преступник. Обрекая, тем самым, свою бессмертную душу при переходе в мир иной на несказанно большие мучения.

И тогда Алекс сделал то, что любой другой разумный человек на его месте, сделал бы уже давно. Он свернул. Но противное чувство, что ему все-таки испортили дорогу, ушло не сразу. Алекс прибавил скорости. Идти широкой лесной просекой, под которой был проложен какой-то важный газопровод, было без сомнения тоже здорово. И даже безопаснее, поскольку ту уж никак не угодишь в то замечательное место, которое на болотах почему-то никогда не замерзает. Да и крик пропал, Алекс был снова в лесу, под этим небом, среди величественных елей, окаймлявших просеку с двух сторон, и это было по-сказочному здорово. И он уже начал думать о чем-то соответствующем окружающей его красоте. Например, о том, как славно было бы сочинить какую-нибудь сентиментальную зимнюю сказку. С дедом Морозом, Снежной Королевой, Лапландией и волшебными зимними духами. И вот тут, в тот самый момент, когда он свернул на лыжню, которая ему очень нравилась, когда все плохое было опять забыто, а хорошее вроде бы снова встало на свои места, совсем рядом, от него разнеслось знакомое:

– А-а-а-х-х-ты-ы-б-л-л-я-я-а-а-а! А-а-а-а-а!

Это было действительно невозможно. Так близко, кажется, вон там за елками.... Если только тот псих не имеет талант быть в нескольких местах одновременно. Алекс встал и замер. И теперь в таком замеревшем положении стоял уже несколько секунд. Что все это значит?

Кричащий, видимо, что-то почувствовал и замер тоже. Алекс осмотрелся. Собрался. Темные заснеженные деревья уходили ввысь, где возможно уже разъяснилось, и мерцают звезды. Холодные и мудрые. И им все равно. Где-то в затылке возникло знакомое противное чувство ничтожности перед миром. Но почему жизнь играет с ним в такие жестокие игры? Словно кокетливая девчонка, она поворачивается к нему то одной стороной, завлекая в свою гущу обманчивым ощущением свободы и власти над ней, то вдруг поворачивается другой и больно бьет в самые незащищенные места. Разрушая все надежды и планы. Как теперь.

За что?!

Стараясь не шуметь, Алекс снял рюкзак, отстегнул лыжи, достал из поясной сумки газовый пистолет и крадучись углубился в лес. Сквозь ветви и лапы, через поваленные стволы.

Особенно трудно было не скрипеть снегом. Но по верхушкам прошелся ветер, лес ожил тревожным гулом и поскрипываниями, а где-то пришли в движение два касающихся друг друга ствола, и оттуда донесся тоскливый заунывный скрежет.

«Вот и все...», – вспомнил Алекс. Что-то в происходящем наводило на мысль, что это – ловушка. Пугая этими метафизическими звериными криками, его, как волка флажками, загнали в это страшное место. Кто?

Алекс сделал еще несколько шагов. За ветвями открывалась небольшая поляна, в центре которой темнели несколько распиленных стволов. А рядом с ними – фигура сидящего человека, по одежде здорово смахивающего на военного. Да, совершенно верно, не пень, не куст, а человек. Который смотрел на что-то в правом углу поляны и, судя по облакам пара, вырывавшимся у него изо рта, тяжело дышал.

Ружья у него, кажется, не было.

Прошло некоторое время. Сидящий почувствовал, что на него смотрят. Его фигура вздрогнула и насторожилась. Затем человек вскочил на ноги и, напрягшись всем телом, истошно заорал.

– Что-о?! Да-в-в-а-а-а-й-б-л-л-я-а-а! Да-ва-а-а-а-й! – разнеслось по округе.

На фоне темной стены елового леса это выглядело непонятно и дико.

– Ты чего орешь? – не громко, но достаточно отчетливо произнес Алекс.

– А-а-а?! А-а-а-а?! – угрожающе засуетился военный, словно его застукали на месте преступления или за каким-то неприличным занятием. Затем выхватил из-за пазухи темный предмет и, прежде чем Алекс понял, что это – пистолет, несколько раз выстрелил. Точно в его сторону.

Снежный лес поглотил сухие хлопки выстрелов и стало тихо. Алекс понял, что военный его не видит, поэтому неподвижно стоял за елями и смотрел, как того охватывает то ли полнейшее бешенство, то ли страх. Где-то рядом с ветвей сошло легкое облако снега и медленно двинулось вдоль края поляны.

Ветер...

– Убью-у-у-у-у! – страшно завопил псих.

В правом углу поляны образовалось еще два снежных облачка. Военный быстро, почти не целясь, выстрелил в одно из них, облачко остановилось и стало медленно оседать на месте.

Суежливо озираясь, военный попятился к лесу. Словно оттуда, с противоположного края поляны исходила какая-то серьезная опасность. Он пятился все быстрее, добрался до ближайших деревьев и, осыпая снег с их ветвей, почти бегом углубился в лес.

У Алекса возникло плохо объяснимое желание окликнуть его. Борясь с этим импульсом, он стоял и смотрел, как темная фигура военного продирается все дальше и дальше прочь. Потом слушал, как стихает скрип снега под его валенками. Потом тишину, в которой стучало только его сердце. На поляне, кажется, никого не было.

Алекс тихо выругался, спрятал пистолет и возвратился на просеку. Там он надел лыжи, рюкзак и, вернувшись на болото, быстро пошел длинным окружным путем через поле. И только через час, пару раз усомнившись в правильности выбранного пути и выйдя на гору у речки, он понял, что криков больше не будет. Просто понял и все.

К тому времени разбуженные выстрелами снежные облачка уже осели. И, если бы на поляне в тот момент был кто-то еще, он бы увидел, что на их месте четко обозначились две человеческие фигуры.

3

Семен Ступников по кличке Красный (никто не помнит, почему он ее получил), каратист, ушуист и мастер спорта по боксу, бывший басист группы Новый Год, впоследствии не менее известный продюсер, а ныне безработный, очень давно не видел лес. Это его и спровоцировало.

А началось все банально – ему сильно захотелось писать. Вагон, который вез его в Москву, оказался холодным, а чая, у священника, которому он сдавал работу, было выпито слишком много. Эти два фактора наложились друг на друга, а до Москвы было еще не меньше часа.

Можно было поступить просто – зайти в переход между вагонами и сделать все там, но Семен слишком долго колебался. Во-первых, у него была довольно крупная сумма денег, заплаченная ему за два месяца работ, а в одном вагоне с ним ехали два каких-то быка в кожаных куртках. Семен был в своей единственной и довольно дорогой дубленке, и вообще меньше всего на свете хотел с кем-то драться. Но, даже если бы драться и не пришлось, стоять в узком, холодном, грохочущем и обильно прописанном месте, и, мотаясь из стороны в сторону, разбрызгивать вокруг свою мочу, очень не хотелось тоже. И тут еще объявили станцию, на которой много лет назад его родители снимала дачу. На Семена нахлынули детские воспоминания, и у него появилась мысль выйти и хотя бы постоять на платформе со всех сторон окруженной старыми соснами. А заодно и облегчиться.

А тут еще и бабушка, сидящая неподалеку от двух бандитов, собралась выходить, а эти уроды вышли за ней. Да еще через другую дверь. Вдруг они бабушку ограбят, – пронеслось у Семена, и он быстро вышел за ними.

Но бандиты просто встали на платформе и закурили. Бабушка тем временем ушла куда-то своей дорогой, а электричка тронулась дальше в Москву. Семен огляделся, куда бы ему отойти и... тут увидел его.

Лес стоял метрах в трехстах от платформы в конце небольшой улицы из маленьких одноэтажных домов и освещался дорожным фонарем. Его еловые и сосновые ветки были покрыты снегом, снег искрился в лучах фонаря, и во всей этой картине было что-то такое щемящее, новогоднее, и полное воспоминаний, идущих откуда-то из детства, что Семен не удержался и пошел в его сторону.

С этого все и началось.

Природа часто наводила на Семена всякие непростые мысли. Так произошло и в этот раз. Семен улыбаясь дошел до леса, благополучно избавился от литра мочи, и вот, когда, облегченно и благостно подняв голову на громадные мохнатые лапы елей, он уже застегивал ширинку, – ему опять вспомнилось.

К этому было невозможно привыкнуть. Оно находило внезапно, и потому врасплох. Словно комета из глубин космоса, откуда-то сзади в голову входил старый знакомый горький импульс. Послушай, а помнишь? – говорил он, и внутри Семена что-то сжималось, что-то натягивалось – он вспоминал. Ее. Совершенно бессмысленное занятие. Ее смех, ее улыбку, а чаще ее реакцию на какую-то ситуацию. И наступало такое состояние, что хоть рыдай от жалости к собственной персоне. Странной жалости, которую, кажется, уже давно сменили равнодушие, презрение и легкая ненависть. И вот хлоп! Тут, в этом лесу, под этими елками. Да так сильно.

Когда-то он думал, что это пройдет, потом свыкся, и, вроде бы даже успокоился на этот счет. Но вот – припорошенная пушистым снегом улица, морозный воздух, а в его голове со скоростью мысли возникает картина лета. Парк, деревья, скамейка. И не так важно, что

именно она сказала ему тогда. Просто ее улыбка, ее светлые джинсы, то, что она – рядом, встало в его сознании столь ярко, что он зажмурился.

Это, естественно, не помогло. Откуда-то возникла сверлящая мысль, что тогда еще было возможно что-то изменить. Семен остановился, стукнулся спиной о какое-то дерево и, пачкая о кору свою единственную зимнюю одежду, сполз вниз. *Этому* надо давать какой-то выход. Потому что просто думать об этом, представлять, что где-то сейчас, в этот же самый момент, светится ее лицо, она что-то видит и чувствует, чему-то радуется, а он тут в темном лесу, сидит около обильно описанного широченного ствола, – такое здорово смахивало на пытку. Господи, а ведь когда-то, ее глаза, ее губы, ее волосы были совсем рядом с ним, а он ничего не смог сделать! Семен смотрел на темные деревья, заиндевелившие заборы. Судьба. Господи, ну почему все именно так?!

У этого наваждения было красивое имя. Ее звали Анастасия. Когда-то она ходила в обычную московскую школу, танцевала на дискотеках, пела под гитару. Возможно даже что-то из их с Алексом репертуара. И он, Семен, о ней ничего не знал. Пока не женился на красивой высокой и умной женщине по имени Катерина. У которой был брат. И однажды они пришли к этому брату в гости.

Маленький неудобный стол, низкое мягкое кресло. Настюша, порежь еще хлеба, говорил брат Катерины своей дочке. И она улыбалась. Господи, как она улыбалась! Кажется, она всегда улыбалась, когда к ней обращались. Неужели никто не видел, какая она красивая? Из нее, словно, исходит какой-то свет. Как звездочка, – подумал он тогда.

И запел.

Семен очень редко играл и не пел в чужих компаниях. А еще меньше любил рассказывать анекдоты. Но тогда он пел и рассказывал какую-то чушь так долго, что они засиделись чуть ли не до утра.

– Вот видишь, как все было хорошо, – улыбалась довольная Катерина. – А ты говорил, что мой брат – скучный человек.

Теперь Катерина замужем за каким-то аптекарем, Семен здесь, мерзнет под этим деревом, а она.... Дурак! Кретин и еще раз идиот. Об этом лучше вообще не думать.

После того вечера Семен начал писать длинные, занудливые песни о любви. Он складывал исписанные листки с их текстами в нижнем ящике своего стола в офисе, иногда рвал и злился на себя. Потом зачем-то пытался продвигать ее как актрису и снимал в пробах к каким-то клипам. Ему нужно было видеть ее, и он придумывал все менее правдоподобные причины для этого. А она...

Наверное, ей было интересно. Новый мир, музыка, люди, которые их там окружали, известные лица. Он сам, наконец. Тогда их «Новый год» еще помнили. Она улыбалась, она светилась, но, увы, не так, как Семен этого хотел. Она светилась не ему, а как-то всему этому вообще, и он чувствовал себя бессильным что-либо сделать.

Вот все и полетело к черту.

Это началось с того, что она вдруг стала его избегать. Семен не ожидал, что это на него так подействует. И его дело, и его семья; все, что когда-то было для него важным, вдруг показалось ему лишенным смысла, фальшивым и ненастоящим. Поэтому, когда и то, и другое начало рушиться, он даже обрадовался. В какие-то моменты он, кажется, чувствовал себя немного счастливым, словно освобождался от чего-то мешавшего ему. А, когда проекты совсем заглохли, и денег не стало, он вернулся в свою коммуналку, пил, кланчил деньги у старых должников, подрабатывал грузчиком на складе. И иногда, все это представлялось ему неким достижением, почти сознательным отказом от мира, в котором не осталось никакого смысла. Но не было и ЕЕ.

А потом он узнал, что она с Алексом.

Это было удивительно глупо. Семену почему-то казалось, что только он может дать ей нечто такое, что не сможет дать никто. И тут Алекс... Чем Алекс лучше его?

Несколько дней Семен ходил здорово ошеломленный. Конечно, Алекс заводится от красивых женщин и тогда на него нисходит дар красноречия, от которого те так ведутся. Но почему она? Она – умница, неужели она не видит самых простых вещей? Неужели не понимает, что для этого типа она может быть только одной из многих, а для него всем?

Семен даже пытался рассуждать здраво. Если посмотреть со стороны, кто он такой, этот Алекс? Да, с ним приятно общаться, да, он своеобразный человек. Она, Настя, даже не знает, насколько своеобразный. У Алекса какие-то свои особые взаимоотношения с миром – слишком уж многое он делал не так, как делал бы это обычный нормальный человек. Это он, навязывал им с Ванькой свои концепции песен, это из-за него их всех чуть не выгнали из института, это он убеждал все поменять, когда их песни, наконец, стали известны. И, пусть это спорно, но именно из-за его упрямства группа тогда распалась. А он сам... он стал писать какие-то заумные оккультно-филосовские эссе. А потом, как-то разбудил Семена около пяти утра и сообщил, что это не жизнь.

– А что – жизнь? – не понял тогда спросони Семен.

Но вопрос повис без ответа. Алекс просто положил на все и стал торговать компьютерами, пивом и недвижимостью. Как самый обычный барыга. И Семен так и не понял, что это было, протестом против оторванности их с ним музыки и искусства вообще от жизни или поиском простоты бытия. Но, что бы не происходило с ними обоими, Семен знал, что в его жизни не было, и никогда не будет лучшего друга, чем Алекс. А то, что так сложилось, – он же не нарочно. Он же не знал. Не знал? Не видел?

А если бы все было наоборот?

Семен лихорадочно думал несколько дней и пришел к жесткому, но логичному выводу. Это все, понял он. Все, полная и совершенно безнадежная пустота. Он даже успокоился, бросил пить, и вспомнил, что когда-то, еще студентом, пробовал писать картины, и даже брал уроки у одного из друзей Алекса – старика архитектора, который когда-то жил в этих местах. И, вспомнив, утроился делать иллюстрации книг на околоцерковные темы. Видимо, тщательная прорисовка деяний святых его успокаивала, уводила, убаюкивала. Но вот, оказывается, убаюкала не до конца. Где-то в глубине души все время сидела надежда, может быть, она все-таки любит его? Его, Семена?

Семен сморщил лицо и стащил с головы шапку. Мороз начал медленно пробираться сквозь волосы. Как хочется в это верить! Вдруг она тоже мучается? Где-то под этим же небом... Увидеть бы вновь ее рядом. Просто побыть. Какой смысл в том, что он запретил себе общение с ней? Она даже не подозревает, об этой его, Семена жертве, о том, как для него это важно. Она не знает, а его жизнь ушла вместе с ней, и это не он, Семен, сидит тут на морозе, распустив юни. Это всего лишь то, что от него осталось. Его нет. Без него настало лето, и пришла зима, без него дуют ветры в вышине над елями, и трещит мороз. И эта наступающая ночь – без него. Есть лишь оболочка жизни, лишенная смысла. Эх, нажраться бы сейчас до полной отключки! И что бы все происходило уж полностью без него, по-настоящему! – подумал он. И в этот момент холодные стволы деревьев высветил свет чьих-то фар.

Джип. Она любила джипы. Уютные и проходимые. И вся она была такая уютная.... Он бы купил ей самый лучший и самый красивый. Во всяком случае, тогда, когда у него еще были деньги. Если бы это что-то могло изменить! Дегенерат, нужно было делать все. На этой машине могла бы ехать она, а теперь какие-то бандиты едут на станцию за водкой. Ох, если бы это была она!

И тут все жизненные процессы в организме Семена приостановились. Легкие застыли на полувдохе, тело напряглось и замерло, и даже сердце, провалившись куда-то вниз, перестало биться. Потому что проехавший уже было мимо джип, остановился. И – уже совсем

как в сказке – из него действительно вышла ОНА. И, сказав кому-то в машине, что тут в лес идут какие-то следы, направилась в его сторону.

– Это мои, – сказал Семен, и услышал свой голос будто со стороны.

– Ой! – воскликнула Настя.

Пока Семен гадал, что за хрень случилась с его сознанием, из внедорожника появилась еще одна женская голова. Его Семена осветили довольно сильным фонариком, и удивительно знакомый голос с еле заметным акцентом произнес:

– Bay! Да это Семен!

– Семен!? – ему и против светящего в лицо фонаря было видно, как Настя широко вытаращила глаза. – Семен... Ничего себе. А чего ты тут делаешь?

– Да это... ссу вот, – честно признался он.

И тут же попал в объятия другой женщины.

– Семка! Красный! Красненький! – запищала та. И Семен решил, что он окончательно сдвинулся крышей. Эта другая женщина была не кто иная, как Люба, первая жена Алекса. Вместо того, что бы сидеть и работать в своем Голливуде, она почему-то тоже была здесь, в этом лесу.

– Ни фига себе! – прохрипел он. – Сюр! Может, я умер от простатита? Нет, я реально ничего не понимаю!

И, неожиданно для себя обнял обеих женщин и даже попытался поднять.

– Ой! Сто-о-ой! – закричала Настя.

– Ты это..., ширинку-то застегнул? – поинтересовалась Люба.

– Да вроде. А что? – пробормотал Семен и только тут осознал, что вот этой вот своей правой рукой обнимает Настю. Которую почему-то не обнимал до этого, кажется, никогда. И обнимает сильно, сильно.

– Нет! – вскрикнула Настя, и, высвободившись, смущенно поправила на себе курточку.

– Прости, – прохрипел Семен и отошел в сугроб.

– Я тут тоже... Только, в отличии от тебя еще не успела. В общем, на меня нельзя сильно давить, – тихо сказала Настя.

– Извини! Извини, я не понял, я не подумал, – энергично замотал головой Семен. В голову ударила сильная, просто сногшибательная волна нежности. Эта волна мысленно поглотила Настю, и внутри Семена стало тепло, легко и пусто.

А дальше все понеслось как во сне. Кажется, Семен стоял в снегу, мотал головой и хрипел: «Офигеть!», Люба, что бы отвлечь его от Насти, рассказывала что-то про аэропорт, про их случайную встречу. И что было уже совсем нереально, сообщила, что они, без всякого приглашения собрались в гости к Алексу! Семен в очередной раз прохрипел «Офигеть!» и понял, что выглядит полным идиотом.

В машине было тепло и уютно. Неяркая, какая-то новогодняя подсветка приборов, снежинки, медленно таящие на ветровом стекле. Погрузившись на заднее сиденье, Семен настойчиво пробовал придти в себя, но каждый раз снова оказывался тут, на заднем сиденье, и впереди все так же сидела она.

Она! Боже, сколько раз он мечтал, что бы вот так случайно встретить ее. Ходил теми же переулками, задерживался на «ее» станциях метро. И вот теперь – случилось. Он в полуметре от нее и даже может чувствовать запах ее духов. Ексель-моксель, он даже видит со спины, как она улыбается!

А что вообще происходит?! Сейчас они как нагрянут к другу Алексу с двумя его женами! А у него там какая-нибудь оргия. Кажется, будет яркий вечер. Но... Но, Господи,

какая же красивая у нее сегодня прическа! И вся она... Светится еще больше! А он, идиот, то несет какую-то жуткую чушь, то забрался в машину и молчит.

Переезд. Машина остановилась. Исчез хруст снега под колесами. Полосатый шлагбаум, заснеженная будка стрелочника, два мигающих по очереди глаза светофора. Семен вдруг успокоился. Скоро приедем. Такой веселенький рождественский сюрприз другу-Алексу. Но, как бы не случилось, это здорово – делать сюрпризы. А Алекс поймет. Он обрадуется и обязательно что-нибудь придумает; они приготовят вкусный ужин, а это так здорово – есть, когда голоден. И, конечно, согреются изнутри; это так к месту – согреваться изнутри, когда за окном снег и мороз. И он будет говорить, говорить, говорить... Может быть, раз все складывается таким волшебным образом, она все-таки что-то почувствует? А как она улыбнулась, когда его увидела!

– Эй, женщины, а мы водки-то взяли? – на всякий случай спросил Семен.

Женщины сидели и смотрели, как под белым светом фонаря окутанные мелкой снежной пылью проносятся вагоны поезда. И обоим им это шло. Зима, тепло, снежные облака под колесами.

– Что бы у Алекса не нашлось водки..., – обернулась Настя. – Но мы можем заехать на станцию.

– Отлично! – поддержал Семен. – Я видел. Там пивняк, а кругом киоски. Возьмем какой-нибудь бормотухи и ужремся.

– Ага! – потеряла красивые пухлые руки Люба. – А сейчас у вас тут не стали выпускать эти... ну Белое крепкое, Солнцедар? Помню, когда я была маленькой, мои родители... Ой, а разве нам туда? – не поняла она. Потому что шлагбаум открылся, и машина уже ехала через линию, поворачивала вдоль рынка, заворачивала к станции.

Пара фонарей, плохо очищенный круг для разворота автобусов, полупустой пивняк в глубине, несколько заснеженных фигур, которые чего-то ждут. Родина.

Семен вылез из машины, запахнул дубленку и медленно двинулся к киоску. Тусклый свет, длинные ряды разнокалиберных бутылок, мрачная фигура где-то в недрах этого странного сооружения.

Толстая пачка денег в кармане оказалась очень кстати. А может быть, Настя его подвезет, и он упросит ее зайти куда-нибудь посидеть? Почему она никогда не заходила к нему? Вдруг в этот раз все будет хотя бы немножко не так? Господи, скажи, это шанс, снова шанс?

В ответ откуда-то со стороны станции дунул холодный, пронизывающий ветер...

– Что такие теплые? – поинтересовался Семен, засовывая бутылки в карманы. Вместе с пальцами, которые уже начали зябнуть. Киоскер ответил что-то исчерпывающее, но Семен уже шел обратно. Все-таки он идиот: зимой скандалить по такому поводу?

Пока он покупал водку, с другой стороны автобусного круга к джипу подбежал какой-то мальчик и начал что-то энергично объяснять Насте.

А в этом что-то есть. Редкие фонари, затерянные огоньки окон. Возможно самая темная страна на этой широте. Они, две эти красавицы, наверное, отвыкли от всего этого, и, может быть даже, теперь ловят кайф, а вот он, Семен Ступников, по-хозяйски тут ступает. Он здесь живет. Очень даже конкретно. А этот мальчик? Чего-нибудь кланчит, наверное.

– А вас много, – слышался встревоженный голос Насти.

– Нет, нет, – захохала появившаяся вслед за мальчиком бабуля. – Нет, дочка, трое всего. Да мы заплатим. Ей богу заплатим. Вот я вам сейчас деньги покажу.... Тут всего километров пятнадцать.

– Денег? – спросил Семен.

От остановки к машине осторожно двигался мужчина, на голове у которого был повязан клетчатый шарф. А этому кексу чего нужно? Мужчина, не, дойдя трех шагов до Семена,

остановился и очень знакомым движением почесал кончик носа. Бабуля сыпала какими-то названиями деревень, Настя внимательно кивала.

– Сем, а? – робко произнес мужчина и снова взялся за свой нос. – Сема, Семен, Симуля! Красный!

– А что, не похож?

И улыбка, обрамленная клетчатым шарфом, стала широкой-широкой. Перед Семеном стоял его школьный друг, клавишник группы «Новый год» Ванька Оряхин. С лицом Робин-зона Крузо, наконец-то увидевшего корабль. И Семен понял, что сейчас рухнет прямо в снег.

Старая желтая школа, репетиции, большие черные бутылки портвейна, юность. И Ванька, с лицом идиота, который пытается выразить что-то невыразимое. Всегда такой умный, начитанный и грустный. И Алекс, озверевший от бормотухи и придуманной им концепции. Бегаёт, откручивает всем пуговицы и грубо угрожает. Творец! И желтый свет, пыльная, вечно фонащая аппаратура, замыслы удивить мир.

Это – было настоящим.

Настоящим – замыслы?

Эх, дайте нам аппаратуру Dun Akkord!

А что дальше? А дальше вот это.

В джипе стало тесно и шумно. Удивительно, они действительно ехали. Семёна притиснули к двери, а на колени водрузили мальчика по имени Максим. Этот Максим вертелся, подпрыгивал, а когда машина преодолевала снежные ухабы или заносы норовил на кого-то упасть. И все время сыпал то вопросами, то советами. Настя сосредоточенно отбивалась от оных и одновременно вела машину; Люба улыбалась; бабуля молчала, а Иван сумбурно пытался всем что-то объяснить. Из его объяснений Семен понял только одно, как ему было хирово, и как здорово, что они вдруг все встретились и теперь едут к Алексу. Но эту глубокую мысль он знал и без него.

Но все-таки какая-то мистика. Она, Ванька. Здесь Что-то подстроено? Кем?

Фары высвечивали падающий снег, ели по сторонам дороги. Если бы не эта теснота, Семен уже достал бы бутылку и выпил. Нет, ему определенно нельзя любить. В его исполнении любовь это болезнь, натуральная клиника. В присутствии любимого человека он становится полным идиотом. То мелет чушь, то вот молчит как недоразвитый. Так ему и надо. Все очень даже логично. Она умнее и лучше его. Достаточно посмотреть, как она ведет машину по этой дороге, пересекаемой заносами.

– Вот здесь! – закричал Максим, когда справа обозначились затерянные в темноте огни трехэтажного многоквартирного дома.

Для здешних мест – просто небоскреб.

Бабуля долго благодарила, совала Насте деньги и приглашала в гости. И вышла только после того, как Семен дал обещание обязательно зайти.

В джипе стало просторнее. Семен достал бутылку и показал ее Ване.

– Ура! – обрадовался тот. – Я тоже купил. Что, по глотку?

– Слушайте, ну вы подождите, сейчас приедем, – укорила их Настя, разворачивая машину по автобусному кругу. Свет фар осветил магазин, автобусную остановку, две фигуры каких-то забулдыг.

Семен подумал, что это как-то странно выглядит. Почему-то пришла мысль, как это хорошо, что он сегодня помыл голову.

– Вань, а как ты-то здесь очутился? Ты что, провожал эту бабулю? А она кто?

– Я? Нет! Тут такое случилось, – с несвойственным ему темпераментном начал объяснять тот. – Я же только что говорил.... Это, как сцена из боевика! Она спасла мне жизнь!

– Бабуля? – не поверила Люба. – Вы что, вместе где-то были? Ты их знаешь?

– Да нет! Я же объяснял, – в голосе Ивана как всегда была трогательная обида. – Все же из-за меня. Ну, если идти от самого начала, то из-за тех двоих. Тут, между прочим, вообще столько совпадений! Потому что перед этим я в электричке встретил Алекса...

– Так, – тоном догадавшегося обо всем человека произнесла Люба.

– Да ничего не так! Просто он вышел, а я нет.

– И много вы выпили?

– Да не пили мы. Просто я понял...

– Тогда почему он вышел, а ты нет?

– Ну.. он на лыжах пошел?.

– На лыжах?

– Ну да, на дачу. Прямо из электрички. Он так любит, наверное. Взять и километров десять на лыжах. И не пили мы! Просто потом, после того, когда Алекс вышел...

– Послушайте, – внезапно прервала их Настя. В ее голосе звучала тревога. – Послушайте, вам не кажется, что мы здесь не ехали?

Машина остановилась. Впереди в свете фар искрились сугробы, среди которых с трудом угадывались контуры дороги.

– Да нет, ты чего? – проговорила Люба. – Мы же никуда не сворачивали. – Просто... Просто зимой тут все не так как летом.

– А почему нет следов от машин?

– Дык, занесло, – предположил Семен.

– Но тут же совершенно некуда сворачивать!

– З-зараза, – приглушенно выругался Иван и стал медленно оглядываться.

– Да ладно, бросьте вы ваши домыслы, – попробовал проявить решительность Семен, – Поехали, там разберемся.

– Хорошо, вы только меня не путайте! – смело кивнула Настя и тронула машину вперед.

Какое-то время они ехали молча. Что они там придумывают? – пытался встряхнуться Семен, но ощущение непонятности происходящего усиливалось буквально с каждой секундой. Может быть, он там у дерева элементарно свихнулся и вместе с мочой из него вышли последние остатки разума? Такое состояние, словно смотришь фильм, в котором пропустил какую-то ключевую сцену.

– Наверное, это у меня такое чувство родины, – попыталась оправдаться Люба. – Какой-то маразм и ничего не понятно.

Нет, так нельзя, решил Семен. И, повернувшись к Ивану, как можно увереннее проговорил:

– Слушай, старый, а вообще это сильная идея. А? Давай на эту тему стих сочиним. Либретто? Че-нибудь такое эпическо-героическое. Смерть за царя, Иван Сусанин.... А?

– Мы к Алексу помчались на машине,

– Что б водки выпить с ним!

– начал он.

– И окосеть,

– добавила Люся.

– Но... заблудились,

– мрачно дополнил Иван.

– И, горе нам! Замерзли бы в лесу,
– Когда б не ориентации талант.
У нашей Насти.
– Но в чаще чер-рной, тем-мной вдруг,

– включился Иван, —

— Проснулся Звер-рь Былых-х Времен-н...
– И громко... перднул!

– домыслил Семен.

– И дунул ветер. И метель...
И поворот не проскочили
Чуть было мы...,

– вставила Настя, направляя машину в какой-то едва заметный прогал в лесу. —

– Но счастье....
– Вдруг нам ухмыльнулось.
– И полетели темным лесом мы вперед,
– Снег рассекая,
– Скорей что бы к Алексу прибыть!
– И выпить водки!
– Что для здоровья нашего, друзья...
– Весьма полезно в сию погоду!
– И нас швыряло!
– И Иван, кретин,
– По глазу мне рукой едва не трахнул, падла!
– В тот миг, как в поле выезжали мы в снегах буксуя...
– И наш мотор, взревев как зверь... заглох внезапно.
– Вот это блин....
– И свет потух...

В наступившей тишине и темноте четверо обитателей машины переглянулись и посмотрели вперед. Там, где небольшое поле уходило вниз, неподвижной стеной стоял лес.

– Ребята, знаете, но, по-моему, это не здесь, – тихо проговорила Настя.

Алекс в это время был уже дома. Он слушал, как трещат дрова, как поскрипывает своими углами его деревянный дом и пытался осознать, как ему хорошо. Незадолго до этого он поместил свое тело в удобное кресло и откинул голову на спинку. Телу стало приятно. А почему ему, телу, должно быть плохо? На него надета сухая теплая одежда, и оно, наконец, приняло то положение, к которому стремилось. И теперь его в этом положении можно оставить на несколько минут. Ведь в печи горят дрова, чайник греется, яичница жарится. Старый лыжный костюм сохнет, поднявшийся ветер гудит где-то снаружи. Где холодно, темно, колючие снежинки и никого.

За исключением того психа с пистолетом.

А ну и хрен с ним.

Алекс улыбнулся. Иногда нужно так мало, подумал он в тот момент. Такие вот несколько минут, когда кажется, что все может быть только здорово. Ибо знаешь, что яичница будет вкусной, чай превосходным, а книга – обязательно интересной. И даже, может случиться, что завтра утром он станет настолько собой, что сможет что-нибудь придумать. Написать нечто такое, что станет началом. Славным началом, по которому будет сразу ясно, что это начало чего-то стоящего. Как изучение карты перед выходом на маршрут, как сбор рюкзака. Таким началом, которое он, наконец, сможет продолжить.

Если уж не сейчас...

Много лет Алекс пытался написать роман. Или сценарий. Или пьесу. Написать, чтобы затем поставить, снять фильм или прост издать. Написать, что бы созданное того стоило. И, если уже не сейчас, когда он один, когда его ничто не отвлекает, когда он и мир вокруг него стоят в равновесии очень смахивающим на гармонию – если не сейчас, то когда?

Впрочем, сколько раз он пробовал? Пробовал вот так как сегодня, уйти, сосредоточиться, и затаиться, стать охотником, который сможет поймать нечто, лежащее в основе реальности. И выразить это. Пусть не гениально, пусть просто красиво. Сколько раз он начинал и понимал, что все его охотничьи трофеи – пустота. Мыльные пузыри наполненные трепом. Понимал, но пробовал все снова и снова.

А может быть, в этих попытках и есть, счастье? – улыбнулся Алекс. Раньше такая мысль вряд ли пришла бы ему в голову. Что-то здорово изменилось. Удивительно, еще совсем недавно, казалось, что его слово и ритм могут порвать этот мир на куски. Порвать и склеить во что-то более близкое к божественному замыслу. Ему казалось, что он зрил его, этот замысел, и эти удары по миру шли точно в те узлы, на которых держится его, мира, лицемерие и глупость. А хвала возносит то, что в этом мире еще способно вести к свету. Что-то изменилось. Что?

Он, Алекс, всегда хотел слишком многого. И слишком разного. С одной стороны – легкости бытия, достатка и удовольствий, с другой – творческого горения и взлетов духа; днем умно разрулить сложные жизненные ситуации, вечером придти домой и выразить невыразимое. Или наоборот. А отказаться от одного в пользу другого означало для него чувствовать себя неким уродом.

Но, если смотреть на ситуацию до конца честно, дело не в этом. Видимо, он расплывается. Расплачивается за свое любопытство. Которое он слишком сильно удовлетворил. И, если раньше мир вдохновлял его своими вопросами, и Алекс чувствовал себя поэтом, то теперь вместо рифмы его мозг начинает искать объяснение. И слишком часто находит.

Он стал чересчур взрослым, слишком тяжелым, и вот, ветер вдохновения не может его поднять. Он этот ветер, приходит к детям и несет их с собой, а он своими длинными мыслями и вправду понимает и цепляет слишком много. И очень мало из этого может объяснить другим. Жить нужно постепенно, из раза в раз повышая планку, а он оказался слишком активен, и теперь жизнь мстит ему таким оригинальным образом.

Нечего нарушать границы. Полки умных книг, упражнения, тайные практики, глупые и не очень эксперименты над собой, и вот результат – вместо вдохновения его тайнами, мир дает Алексу только банальные объяснения оных. Из которых вырастает громадная стена. И он уже давно не знает, что с этим делать, поскольку единственный человек, который мог объяснить, что с ним происходит, давно умер.

Алекс грустновато усмехнулся. Когда-нибудь, когда это случится и с ним, на могильном камне, прихлопнувшим его писательские потуги, будет написано «Он слишком много знал». Затем поднялся, чтобы снять яичницу с огня, потянулся и в этот момент услышал громкий стук в дверь.

– Д-добрый вечер! – на крыльце стоял местный лесник Сергей.

– Здорово, – ответил Алекс. Затем спрятал приготовленный на всякий случай газовый пистолет в карман просторных домашних джинсов и вопросительно посмотрел на незваного гостя. Судя по всему, его планы побыть наедине с собой снова летели к черту. Несколько несильных ударов кулака в дверь и все. А за что?

– Прости, что беспокою, – начал Сергей, – но я з-з... Можно войти?

И Алекс понял, что пора переключаться на вход. При освещении лицо Сергея выглядело довольно непривычно. Всегда задумчивый и уверенно-серьезный, он был явно взволнован и чем-то обескуражен.

– Ты д-давно был в лесу? – спросил Сергей, как-то чересчур машинально расстегивая тулуп. И, вдруг, осененный своей догадкой выпалил, – Ты тоже слышал? Ну, какой-то урод...?

– Как бы это поточней сказать..., – почесал бороду Алекс. И решил – пусть расстегивает.

Сергей ему нравился. Алексу вообще нравились люди, способные бросить избранный ими когда-то жизненный путь и не побоявшиеся пойти по иному. В них чувствовалось что-то родственное. Какой-то внутренний импульс, способность к движению, к удивлению, к поиску. В сущности, не важно чего и где, так как эта искренняя потребность в поиске, видимо, действительно важнее многих других вещей, которым почему-то придают значение.

– В общем, я его видел, – как можно спокойнее ответил Алекс, – Какой-то свихнувшийся вояка. Недалеко от болот.

– От болот? – Сергей странным задумчивым движением наконец высвободился из тулупа и бросил его на скамью. – Что он там делает?

– Орет.

– Как это...?

– Да вот так вот: «А-а-а-а-а-а-а!» – попытался изобразить Алекс. Но попытка вышла довольно бледной. – Ты яичницу будешь?

– Ага. Точно, – согласился Сергей. – Мне даже показалось, там кто-то стрелял.

– Да это он в меня, – скромно признался Алекс.

– В тебя?!

– Ну. Ты с хлебом будешь?

– А ты?!

– Чего я? Я туда прямо в сковородку немного черного покрошил. Горчицу принести?

– Дык... Какой горчицы? Он тебя не ранил?

– Контузил, – ответил Алекс и поведал, как все происходило. Немного подгоняя повествование из-за обострившегося при виде яичницы чувства голода. И, пока говорил, отметил, что в его голове крутиться странная, но четкая, словно не его, мысль: «Приближается... Приближается...» – снова говорил некто внутри него.

Алекс замотал головой. Такого с ним не было уже давно. Неужели он *слышит*? Внутреннее слово...? Или от резкого попадания на природу слегка выехал за грани? Или слишком мало спал? Нет, следует сосредоточиться.

– А может, хлопнем по рюмахе? – предложил он. Раньше, в таких ситуациях это помогало. – Давай? Для аппетита!

Сергей почесал затылок.

– Ну... Не знаю. После всего... Когда ты шел..., – его взгляд тревожно сосредоточился на жидкости уже выливающейся из бутылки. – Ну, ты, когда шел, ничего, как бы это сказать... необычного не заметил?

– В каком смысле? – Алекс наколол на вилку приличный фрагмент яичницы, в котором был желток, кусочек черного хлеба, немного расплавленного сыра и зеленый лук. Вот этим он сейчас и закусит. – Понимаешь, если все, что происходит сейчас в лесу считать обыденным, то нет.

– Да я не об этом. Ну вообще... Все вокруг.

– Вокруг? Сказка? – коротко ответил Алекс и выпил. Затем намазал приготовленный фрагмент хорошим слоем горчицы, плотоядно оглядел свое творение и сунул в рот. – Знаешь, там все такое бе-гое, запо-гофшенное! Погода – у-у-у-у-у!

– А деревья? Ты когда выходил в поле напротив Петуховой горы, деревья там внизу видел?

– Нет, – после первого куса стало очевидно, что яичница слишком мала для двоих, и Алекс мысленно перенесся в чулан, вспоминая, что же еще там осталось. – Наверное, в поле сейчас лыжня немного левее.

– Ничего подобного! Я шел снизу. Их там просто нет! Как и Петуховой Горы. Одно поле и... кусты какие-то!

Алекс отложил вилку в сторону и внимательно посмотрел на Сергея.

– Так, – проговорил он, осознавая себя человеком, который не вовремя отвлекся.

А Сергей странным затравленным взглядом оглядел комнату, словно боялся, что его сейчас выкинут отсюда раздетым в снег, и он не запомнит чего-то из окружающей обстановки.

– Это такое счастье, что хотя бы с тобой все нормально, – выразительно произнес он.

– Нормально?

– Ну. Кажется. Наверное. Это все Анжелинка... То есть не она. Понимаешь, мы пили «Абсолют». Я сразу почувствовал – вкус какой-то не такой. И теперь, наверное, глюки. Потом откажет зрение, паралич сначала нижних, затем верхних конечностей... Мы проходили... Как ты думаешь, может быть мне не нужно больше пить?

– Сначала закуси, – попробовал успокоить его Алекс.

И Сергей отчасти успокоился. Или просто сосредоточился?

– Знаешь, я шел домой, – проговорил он. – Ну.. когда все это услышал. И решил, надо разобраться. Понимаешь? Может какой-нибудь браконьер или дети заблудились? И когда свернул в лес, вдруг понял... Ты знаешь, я же этот лес как свои пять, – Сергей то ли удивленно, то ли восторженно оглядел свои кисти рук, – И тут... не узнаю.

И чувства. Понимаешь, очень странные, вроде бы даже независимые. Прошел метров триста, и чувствую радость. И благодарность. Независимо кому! Просто так... А внизу, когда спустился – опасность и беспомощность. Короче, кругом все другое, но, самое главное, я знал, куда идет эта лыжня. Ну.. как во сне, когда кажется, что видишь этот сон во второй раз.

И сам... будто со стороны. Управляешь своим телом, как автомобилем. И какая-то странная координация движений. И чувство неуютя. Я даже упал пару раз, и правая нога зачесалась. Если бы я сейчас помнил точные симптомы! А что? Типичные провалы сознания. Идешь по поляне и вдруг оказываешься в лесу. Затем резко оглядываешься, а поляны нет. И все – другое! Тут-то я и вспомнил про «Абсолют».

– Ну а потом? – спросил Алекс.

– Потом.. Я вдруг обнаружил твои следы. И, что странно, почему-то сразу догадался, что это – твои. Ты там, у реки через поле «коньком» шел, я так обрадовался! И пошел следом: все было видно, луна еще была. И вот когда я пошел, все как-то сразу узналось и стало нормальным. Как оно есть. Ельник за рекой, поляна у твоего дома. Я... – Сергей вдруг посмотрел на Алекса с неожиданным восхищением, – Я не знал, что ты такой молоток!

– Молоток? – пожал плечами Алекс. – В смысле?

– Ну что прошел сквозь все это. Ну, проложил путь. Проложил там, где все время оказываешься не там. И теперь..., – Сергей поморщился и грустно уставился в бревенчатую стену. – Теперь ничего не понимаю....

Алекс взял сковородку с из-под яичницы и поставил ее на край печки. Какой-то бред. Или действительно...?

– Слушай, а ты ничем галлюциногенным этот «Абсолют» не закусил?

– Я уже думал, – ответил Сергей. – Смахивает, в общем. Мы проходили, я же говорил, очень похожая симптоматика. Но как?!

– Видишь ли, я устал и не выспался, – посетовал Алекс, – поэтому не пойду проверять на месте Петухова Гора или нет. Думаю, тебе тоже не стоит. Сейчас сделаем еще сковородку... У меня, кстати, водка настоящая. Проверял. В общем, останешься здесь, утром разберемся на свежую голову. Ты мне лучше скажи, тут военных частей поблизости нет?

– Нет. Ты и сам знаешь, – Сергей продолжал смотреть на Алекса с доверием и надеждой. Нормальными достаточно трезвыми глазами, в которых были нормальные, ни сколько не расширенные зрачки. И страх. Очень заразительный страх. – Ты же тут все леса не хуже меня знаешь. Пансионаты и два заброшенных пионерских лагеря на водохранилище... Зона отдыха как бы.

– Тогда откуда на болотах мог быть тот вояка?

– Ну.. дорога там, – задумался Сергей. – Километрах в трех. Но как он по болотам прошел, если он не на лыжах. Оно же местами не замерзает. Так ты думаешь, – Сергей начал медленно привставать, – Ты думаешь какое-нибудь оружие, да? Утечка...? Так это же – ужас!

– Какое еще оружие? – Алекс почувствовал острый приступ тоски. Сейчас у Сергея начнет приподниматься скатерть, потом он станет кричать, что за занавеской кто-то стоит. Как это все «вовремя». Хорошо, что он хотя бы ест. Пока... А потом? И он, кретин, его еще водкой поит. Впрочем, в некоторых случаях водка возвращает. Будем надеется, что это как раз тот самый случай, да и парню вроде реально лучше. А вообще, веселенькая ночь будет... И, вздохнув, Алекс взялся за приготовление следующей яичницы. Хотя бы самому поесть по-человечески..., подумал он.

– Сереж, ты знаешь, ты лучше порежь лук, – попросил он. – А затем хлеб. Такими кубиками. А я сейчас принесу ветчину и яиц... И разлей еще по рюмахе, а?

Алекс зашел в чулан и включил свет. Как назло в глаза бросилась большая красивая бутылка «Кьянти». А если что-то серьезное? Ведь завтра должна была приехать ОНА!..

За стеной завывал ветер, и Алекс поймал себя на том, что ему самому очень хочется завывать.

Когда-то в юности Алекс написал песню, которую они почему-то исполняли редко. Это напоминало по стилю очень вольный перевод «Письма к сыну» Киплинга, этаким набором заповедей, только написанный Алексом для себя самого. Одно из этих правил гласило:

*Ничего не планируй,
Ибо в этом мире,
И в этой стране
С тобой
Все будет не так!*

А он, кретин, забывает и планирует.... Размечтался!

Сколько раз это уже повторялось? Первый раз он предложил ей встретиться свершено неожиданно для самого себя. Тогда он просто не выдержал, и позвонил ей, чтобы поболтать. И ему показалось, она очень рада его звонку.

– Слушай, я буду завтра в твоём районе. Давай выпьем где-нибудь по чашке кофе? – предложил тогда он.

И она согласилась. Очень даже радостно. И предложила позвонить после пяти. И Алекс был счастлив. В тот день он подстригся, пропылесосил машину и даже, на всякий случай, убрался в квартире. А в половине шестого был недалеко от её дома.

– Здравствуйте, это автоответчик...., – послышалось на другом конце провода. – К сожалению, никто не может вам ответить....

Алекс выключил двигатель и стал ждать. Через двадцать минут он позвонил снова. Потом опять... К восьми часам он понял, что в этот день ничего не выйдет, к девяти пил чай в каком-то близлежащем баре. Но даже оттуда он звонил ещё раз.

– А меня задержали на работе, – спокойно сообщила она на следующий день. – Ну а потом затащили на дискотеку...

Неделю спустя они договорились, что она зайдёт посмотреть книги на старо-французском, в которых Алекс действительно ничего не понимал.

– По какому телефону тебя найти? – спросила она.

И в тот день, когда она обещала точно и обязательно зайти, он с утра до вечера смотрел на телефонный аппарат, по которому звонили все, кроме неё.

– Ой, сегодня не выйдет, – сообщила она, когда поздно вечером Алекс, наконец, дозволился ей сам. – Знаешь, я что-то так скверно себя чувствую, и вообще...

Так же произошло и с их походом на выставку, и с его просьбой помочь ему по работе. Алекс понимал, что для него эти невстречи значат гораздо больше, чем для неё, и почти не обижался. Но каждый раз переживал, и, тем не менее, предлагал все новые варианты свиданий. Зная, что, скорее всего, его надежды и планы несбыточны.

И вдруг, два дня назад она позвонила сама, и предложила покататься на лыжах. Это было так славно! Алекс вспомнил про громадную бутылку «Кьянти», которую купил месяц назад по поводу их очередной несостоявшейся встречи. И вот, кажется, все идет к тому, что этой бутылке не суждено быть выпито и завтра.

Алекс поморщился. Не планируй... Легко сказать. Ладно, скажи спасибо, что не пристрелили в лесу. А так, пока ещё есть надежда. Серега вроде человек крепкий, и, кажется, у него нет каких-то серьезных глюков. А в ночном зимнем лесу, в конце концов, что угодно может почудиться и на трезвую голову. Может быть, Анжелинке просто бабки насоветовали какой-то чепухи?

Додумывать было лень. Алекс взял ветчину, начал вынимать из ячеек яйца и даже улыbnулся своему отражению в маленьком холодном окошке. И в этот момент в коридоре послышался топот, а ещё через секунду в дверях возник источник его беспокойств. И в глазах у Сергея был ужас.

Она не приедет, – внезапно понял Алекс и почувствовал, как его руки, держащие яйца и ветчину медленно опускаются вниз.

– Т-ты знаешь.... Ты знаешь, там на крыльце... Т-ам кто-то стоит!!!

Вот оно, продолжение истории. И, надо сказать, не самое мирное.

– Сейчас посмотрим, – вздохнул Алекс, положил продукты на верстак, взял с полки на удивление вовремя подвернувшийся под руку мощный фонарь и обреченно поплелся к выходу.

Конечно, этому бедолаге, может что-то показаться. Например, что кусты у леса двигаются, или деревья идут на север. Придется спускаться, светить фонарем... Что ж, хорошо, он спустится. Эх, этой бы его Анжелинке, да по ее красивой попке!

Они прошли через дом, Алекс включил на крыльце свет и, не выглядывая в окно, уверенно распахнул дверь. На крыльце стояли молодая светловолосая женщина сказочной внешности в белых мехах и мужчина, закутанный во что-то черное.

– Доброй ночи, – вежливо проговорил потрясенный Алекс. Под черными одеждами мужчины висел меч, а на голове женщины была надета изящная тонкая корона. Корона была покрыта легким слоем инея.

Примерно в этот момент Родион Сухов почувствовал неладное. Бывший работник торговли, ныне владелец трех магазинов и пивной точки, он всегда чувствовал подобные вещи заранее. А сегодня расслабился. И теперь, когда эти двое стояли сзади, а он укладывал не поместившиеся в багажнике ящики на заднее сиденье своего БМВ, было уже поздно. Он даже не успеет повернуться...

И чего он так долго возился с пивом и шампанским, которое попросила его захватить Анжелинка? Хотя это тут ни причем. Все понятно, они караулили. Десять минут раньше, десять минут позже.. Они просто выбирали момент.

– Эй... Ты только не суетись, – прозвучал сзади уверенный голос. – Довезешь нас до пансионата. И все.

Довезешь..., удивился Родион. И тут же понял, в чем дело. Стукнут по голове и в сугроб. Дорога-то лесом. А там – не здесь, там его найдут только весной. Только нужно сделать вид, что он ничего не понял. А то сейчас, прямо шилом и в печень? И внутреннее кровотечение.. И, действительно, «все». Нет, намного лучше подвезти? Вдруг обойдется?

И Родион повез. Не разогретый двигатель дергал. Вентиляторы гнали в салон еще холодный воздух, который почему-то пах резиной. Когда они сели, Родион немного разглядел их. Двое, один – с перевязанной рукой. Он сел сзади. Похоже, руку ему зацепили недавно. Значит с разборки? Черт, хорошо это или плохо? Но злые сволочи, ох злые!

Пока машина выезжала из поселка, Родион пытался вычислить, чьи это люди. Ситуацию в своих краях он знал хорошо, только сейчас у него не было никаких зацепок. А спросить, чьи будете, было опасно. Если им нужна машина, тогда, скорее всего, точно замочат. Скажут и замочат. Что бы, молчал. Ведь вон они какие лютые.

И эти заносы! С одной стороны дороги – поле, с другой – лес. Встанешь тут в этой компании.. Хорошо, что не так давно кто-то ехал и можно двигаться по следам. А если поведет?

Родион вытер со лба пот и посмотрел на своих пассажиров. Те переглянулись. Словно спрашивали друг у друга: «Пора?». Точно, а если прямо сейчас начнут? Что делать?!

– Братва, значит так, – Родион старался, что бы его голос звучал как можно увереннее. – Я вас не знаю, и кто вы, мне не интересно. Но я не лох. Вам нужна тачка? Или как?

Ответа не последовало.

– Мы договоримся, – попытался подытожить Родион.

«Пассажиры» мрачно переглянулись. Словно снова советуясь.

– Значит, можем договориться так. Я выйду перед Мухино. Туда не заезжайте, там машину знают. В пансионате – нет. Только просьба, будете бросать, скажите где. А если просто надо свалить, ставьте перед шлагбаумом. Ну, там, где запретная зона перед плотиной. И через водохранилище. Лед там крепкий. На той стороне – санаторий. Там сейчас Мамед отдыхает. Если это, конечно, интересно... Только про меня ему не трепитесь без необходимости. Идет?

Но двое бандитов мрачно уставились вперед. Словно говорить им нестерпимо лень. Или они не умеют этого вовсе.

– Должны же люди помогать друг другу, – не выдержал паузы Родион. – Или я что?

Машину вдруг здорово повело. Нельзя так резко газовать. Не нервничать. Именно сейчас этого нельзя. Если обойдется, – купить литровую и свечку поставить... Завтра же утром. Главное – сосредоточиться на езде. Родион перехватил удобнее руль, на всякий случай скользнул взглядом на того, кто сидел на переднем сиденье. И вдруг увидел его лицо. Равнодушное, презрительное, страшное....

Неужели...! Скоро он вырулит на ровное место, они заставят остановиться и... Действительно, чего им тащиться через водохранилище. Машина? Даже, если они просто от кого-то убегают, ее спрячут, а потом продадут. Так просто! И глупо... А он, как последний лох, гонит какую-то чушь.

Машина внезапно выровнялась. Словно сама по себе. Хорошая машина. Замечательная машина. У него никогда не было такой классной машины, и вот теперь, когда, наконец, есть, все должно оборваться.

Нет, хорошая машина. Вон как четко работает двигатель, даром что не разогретый. И сцепление с дорогой – что надо. Даже в такой гололед. И как уютно светятся приборы. А еще в ней было так удобно.

Жалко! – успел подумать Родион. В тот момент, когда его тело опередило мысли, и он сделал единственно правильное из того, что мог. Выровнял колеса, незаметно опустил левую руку на рычаг открытия двери и, быстро потянув его, выкинулся на дорогу.

Поселок рядом. Может быть, они не вернуться, что бы его грохнуть?

Мороз. Запах замерзшего гнилого дерева, дыма из его собственной печки и леса. Неужели...

– Вы – Снежная королева? – зачем-то сострил Алекс и отступил внутрь дома. Как бы приглашая зайти. Чего, возможно, совсем не стоило бы делать.

– Нет, не Снежная, – ответила женщина. От нее пахло странным приятным и знакомым запахом каких-то духов. Пройдя в коридор, она остановилась, и осмотрелась. – Здравствуйте, – произнесла она.

За ней проследовал мужчина, который, войдя, качнулся и прислонился к стене.

– Тан-тура-фин, – произнес этот странный человек. И посмотрел на Алекса спокойным и уверенным, но крайне усталым взглядом.

– Тан-тура-фин! – выпалил в ответ появившийся из коридора Сергей. В руках у него была кочерга.

– Сереж, помоги, – как можно спокойнее сказал Алекс и, кивнув на незнакомца, который, казалось, вот, вот упадет, вышел во двор.

Кружились редкие снежинки, лес за небольшой поляной красиво высвечивался мощным фонарем. Вроде все нормально. Свежие следы на снегу: мужские и женские. И... кровь?

Алекс вернулся в дом.

Мужчина лежал на диване, словно большая подбитая черная птица. Рядом на полу грозно лежал меч с красивой и, по-видимому, очень дорогой рукояткой. Расстегнутая кожаная жилетка, кинжал. Около незнакомца суеился Сергей.

– Что? – спросил Алекс, разглядывая вытянутое лицо, длинные волосы, небольшую сильную руку, прекрасный браслет с драгоценными камнями.

– Очень с-странная рана, – ответил Сергей. – Кровь свежая, а края... заживают! Словно прошли сутки!

– Что нужно?

– Вскипятить чайник, аптечку и... надо бы укол.

– А ты? – Алекс обернулся к женщине.

Она сидела на его любимом стуле. Прямая спина, тонкая корона, внимательный взгляд, встревоженное лицо.

– Ему нужно полчаса, – у нее был правильный, но чем-то странный выговор. – А мне... У тебя есть горячая вода? Много горячей воды?

– Конечно. Сейчас будет до черта, – Алекс двинулся на кухню, где за печкой находилась настоящая большая японская бадья для купания, включил водонагреватель. Потом – снова чулан, аптечка.

– Это все? – сник Сергей, быстро осмотрев ее скудное содержимое.

– Ну да. Другая аптечка в машине. А машина в Москве.

Да, глупо. Горчичники, йод, презервативы... Нет, кажется, есть какой-то бинт.

– Сейчас поднимется температура.

– У кого? – не понял Сергей.

– У воды.

– А....

Алекс взял женщину за руку и повел на кухню. Рука была холодной и нежной.

– Ванна вон там, за печью.

Он отошел к столу и начал заваривать чай. Словно ничего не случилось. Но даже, если и случилось... Думай, думай, Алекс. Что-то как-то слишком много странностей. Такие вещи происходят неспроста.

Гладкий деревянный стол, выжженный горячей туркой кружок на его поверхности, чайник. В общем-то, ничего страшного пока не произошло. Только странно, очень даже странно. Вот если бы так начинался рассказ... А что, отличная мысль. Раненый мужчина и изумительно красивая женщина стучатся в избушку лесника? Или нет, нового русского. Или... президента России. Который иногда бросает все и живет в такой вот избушке, где никого никогда не бывает...

– Я помогу, – произнес Алекс. Все-таки он сейчас – тормоз. О том, что замерзшими руками трудно расстегивать петли на одежде, следовало бы догадаться пораньше. – Все будет отлично, – добавил он. – Сейчас ты согреешься.

У нее было изящное красивое тело с белой, словно светящейся изнутри, кожей. Ощущения света и белизны; только темная впадинка пупка и пепельные волосы на лобке. Плавные линии, плавные движения.

– Нет, ты – королева! – улыбнулся Алекс.

– Да, – ответила она. И в этом «да» не чувствовалось ни кокетства, ни иронии.

Ее погружение в воду было особенно грациозным и плавным. Почти нереальным. Удивительно изящно, но отчего-то совсем не эротично. Или он так устал и перенервничал? Или не может думать ни о ком больше? Да и она, видно, тоже устала.

Алекс налил чай в большую глиняную кружку, добавил туда около ложки бальзама и принес полученный напиток своей странной красивой гостье.

– Что с вами произошло? – спросил Алекс, пока она с удовольствием неспешно его поглощала. – Как вы оказались в лесу? Кто его ранил?

– Мы перешли..., – задумчиво ответила гостья между глотками. По-видимому, она затруднялась подобрать слова. – Но, когда еще не вошли, был какой-то человек. Он..., кажется, выстрелил? Так правильно?

В этот момент в комнату влетел Сергей, и ошарашено уставился на нее и Алекса. Очень вовремя! По-видимому, хорошенькую сценку они представляют...

– М-можно тебя на м-минуту? – беспокойно произнес он. После чего, стараясь казаться невозмутимым, схватил Алекса за руку и повлек в комнату.

– Видишь? – шепотом спросил он, показывая на раненого мужчину. И, подойдя ближе к тому, уточнил, – И ты полагаешь, что это человек?

Алекс вздохнул.

– А что я, по-твоему, должен думать? Он жив, спит?

– Может быть, и спит. Но все слышит. Ты посмотри?

Алекс посмотрел. Спокойное, ненапряженное лицо. Сильное и осознанное. Словно этот парень и на самом деле не спит, а думает о чем-то и одновременно держит под наблюдением все, что происходит вокруг.

– Если спит, значит человек.

– Ты куда? – вскинулся Сергей.

– Нужно найти полотенце.

– Какое полотенце? Ты выяснил у нее что-нибудь? – возмутился он и снова повлек Алекса. На этот раз в прихожую.

– Ты знаешь, о чем я подумал? – произнес Сергей полупрошептом и припер его к стене, – Я ничего не понимаю! Такая странная рана. Так не бывает. Но у меня есть версия.

– Версия чего? – сделал попытку уточнить Алекс.

– Ну, что происходит. А что об этом думаешь ты?

– Я... Слушай, давай им нальем, поедим и потом обо всем их расспросим.

– А кинжал? Нет, ты видел, какой у него кинжал? Как старинный. А одежда? Ты можешь думать обо мне все что угодно, но это – пришельцы!

– Так..., – вздохнул Алекс. – А я тогда кто? Дед Мороз?

– Ты... Ты нет. Да откуда я знаю!... Послушай, все сходится. Они ошиблись! Понимаешь, ошиблись во времени! Отсюда все... и одежда, и остальное. Они устроили провал в измерениях, и именно от этого все вокруг так глючно. Но что-то не рассчитали, промахнулись. А мы тут паримся, ничего не понимаем, и чувствуем себя не в себе!

– Ну.. это очень личное истолкование, – попытался отшутиться Алекс.

Сергей вздохнул.

– Конечно, я тебя понимаю, – продолжил он уже более спокойно. – Наверное, со стороны это выглядит как какой-то бред. Но как тогда все это объяснишь?

– Как? Просто. Пятница, на турбазе какие-нибудь ребята гуляют. Устроили этакий маскарад, выпили, покурили чего-нибудь, подрались, заблудились. Или застряли где-нибудь тут поблизости. Потом замерзли. Логично?

– Логично, – задумался Сергей. – Весьма даже. Вон у Анжелилки банкиры все дорогое Шампанское раскупили. Только эта рана... И, потом, разве этот человек похож на банкира?

Алекс задумался. Что тут можно ответить? Он отодвинул стул, почему-то стоявший по середине прихожей, в угол и сел на него.

– Понимаешь, дело не в том, похож ли он на банкира или нет. Я знаю некоторых банкиров, большинство из них друг на друга не похожи. Дело в другом. Мы, наше сознание, пребываем на Земле, то есть в чувственном материальном мире, и можем воспринимать только проявленные трехмерные объекты. То есть, через наши чувства, материальные. И наоборот. Прочие миры или измерения относительно нас как бы не материальны. Если, конечно, принять, что они есть... Они – другие, мы их и не можем видеть, трогать, понимаешь? И из этих миров не может быть никаких пришельцев с материальными телами. Тем более кинжалами. На фиг им там кинжалы? У них там другие средства.

– Ну, послушай...? – не сдавался Сергей. – А летающие тарелки? Сколько случаев!

– И большинство из них почему-то над Штатами и Россией. Серж, будь реалистом. Все это сделано на земле. Если действительно было. Поверь мне, в баню эти домыслы... Сейчас

мы что-нибудь съедим, выпьем и все выясним, – Алекс поднялся, похлопал Сергея по плечу. Тот с недоверием посмотрел ему в глаза, но пошел за ним.

По-видимому, он переборщил с оптимизмом. Теперь Сергей решит, что это он, Алекс, свихнулся и не понимает опасности. Но что ему еще сказать? Пересказать в одной фразе оккультную модель мироздания?

– Я..., – Сергей взял Алекса за локоть и улыбнулся. – Я все понимаю. Ты же рассказывал.. Ну когда мы осенью у тебя сарай ставили. Про астральные тела, иерархии.. Но я смотрю..., – он указал на раненого незнакомца. – Этот костюм... воротник, меха. Шрамы! У него много, много шрамов. И руки.. И я вот смотрю...

В этот момент лицо мужчины, на которого был направлен их взгляд, едва заметно дернулось, и он открыл глаза. Эти глаза бесстрастно обвели комнату и остановились на двери.

– Я бы запер, – тихо проговорил он. Таким голосом, словно говорил на неродном языке. – Они скоро будут здесь, – добавил он, – У них хорошие доспехи.

– У кого? – спросил Алекс.

– У Воинов Четвертого Короля. Они очень серьезные воины.

– Так..., – произнес Алекс, чувствуя, как происходящее медленно смещается куда-то в сторону. – Так, – еще раз повторил он, но не тронулся с места.

– Дык... Ты! Они! – попытался вывести его из этого состояния Сергей. – Я же не зря! А ты... стой! Ведь как чувствовал! Быстро! Где здесь засов?! И что-нибудь из оружия? Ну, топоры, лопаты? А лучше бы что-нибудь огнестрельное... Может, отмахаемся!

И смелый молодой лесник кинулся к двери. На ходу проклиная свою медлительность и нерасторопность. Наткнулся на стул, который он, Алекс, почему-то так и не убрал, закатал рукава и... остановился.

– Поздно, – вырвалось у него. Потому что в этот момент на крыльце под чьими-то решительными ногами закрипели промерзшие доски.

Незапертая дверь отворилась, и вместе с клубами пара в комнате оказался человек в хорошей, но заношенной дубленке и заиндеветавшей кепке.

*– Играй фанфары!
Фейерверки взвейтесь!
Мы к Алексу пришли, ужасный путь осилив,
Что б выпить водки!
И ужраться в дупель!*

– радостно продекламировал вошедший и картинно упал на пол.

– Убили, – прошептал Сергей

– Воистину, – откликнулся лежащий и для правдоподобности дернул ногой. Из его кармана выкатилась бутылка рома и с шумом подкатилась к стене.

– Эй, эй! Не разлейте напиток!? – вымолвил Алекс. Ему захотелось придумать что-нибудь смешное и подыграть, но было очевидно, что ничего равноценного неожиданному появлению в его доме Семена, сделать невозможно. В этот момент в комнату с топотом ввалились его первая жена Люба, вторая – Настя и Ванька Оряхин с большущими сумками, запорошенными снегом.

– Ого! А-гага! – с первобытной радостью закричал последний.

*С мороза – к очагу!
Вот так мы кайф словили!
Как древний путник, намесившись снегу.*

*А кое-кто
Был, как и я, в ботинках,
И промочил их.
Ну а надо б горло...*

На последних строфах Иван смущенно умолк и оглядел присутствующих. Конечно: недопитая бутылка на столе, Сергей в боевой стойке, «пришелец» в какой-то странной средневековой одежде. И красивая белая женщина, в накинутом на голе тело полотенце.

– Значит так? – выдохнула Люба, тоном трудяги-активиста изобличающего развратных буржуев (о, как давно он этого не слышал!). – Так вот, значит..?

– Да, – скромно подтвердил Алекс. – Мы тут собирались поужинать.

– Вижу, вижу...

После чего все заговорили разом.

– Саш, машина там, у леса, и у нее почему-то заглох мотор.

– Алекс, родненький, сейчас я расскажу тебе, насколько ты был прав!

– Вы только.. дверь! Дверь – на засов!

– Ой, Алекс, дорогой, я, на самом деле, так рада! Можно, я тебя поцелую!

На фоне чего, Семен затащил что-то революционное, а Алекс затряс головой, затопал ногами и разразился гомерическим хохотом.

А мужчина, лежащий на тахте, смотрел на все это и постепенно успокаивался. Все, кажется, было в порядке. Они – в тепле, им оказана помощь. А эти люди... Вон тот в свитере и полинявших брюках, которые называют тут джинсы, – очевидно хозяин. Этот помоложе, – то ли оруженосец, то ли сосед. А те, кто сейчас приехал, – друзья хозяина и, следовательно, тоже чего-то стоят.

Наконец-то..... Может быть, все и обойдется.

4

Много не самых приятных вещей происходит благодаря чьим-то хорошим побуждениям. Так, директор филиала одного из коммерческих банков решил сделать приятное своим коллегам и вывез их на отдых в красивое уединенное лесное место на берегу водохранилища. Начальник арендованной им турбазы, тоже из благих побуждений, решил навести на своей турбазе порядок. Это выразилось в том, что он выгнал двух лиц без определенного места жительства, которые вяло плотничали и расчищали снег около зимних домиков, посчитав, что Мустафа и Гафар может быть и не справятся за четверых, зато точно не напьются. И вот, благодаря хорошим побуждениям этих уважаемых людей, Роман Кубиков, бывший студент, курьер и разнорабочий, ныне лицо без определенного места жительства и его коллега по последнему месту работы, невысокий приземистый человек по кличке Утюг, оказались в этот момент на автобусной остановке напротив Анжелинкиного магазина. И это обстоятельство сыграло в нашей истории свою роль.

На остановке было неуютно. Пронизывающий холодный ветер летел над темными лесами, обретал скорость и мощь где-то на просторах водохранилища, и, немного задержавшись в соснах на берегу, с силой наталкивался на промерзшую железную стену этого сооружения. Противными струями мелких снежинок, он задувал внутрь, отчего внутри было холодно и неуютно. У ветра не было хороших побуждений, и, подгоняя поземку, он несясь дальше, к следующему лесу, вдоль по дороге, которая вела к станции. Дороге, по которой почему-то никак не приезжал автобус.

Утюг, как и следовало ожидать, ругался. Сначала тихо, затем все громче и громче. И когда его ругань уже стала подкрепляться жестами, выпалил:

– А вот хрен мы дождемся т-перь этого автобуса!

И внезапно замолк. И снова стало слышно только ветер.

– Ну..., – согласно кивнул Роман, что бы заполнить паузу, возникшую после такого невеселого предсказания.

– И что мы тогда? Может быть здесь и засодим? – в голосе Утюга было все: злоба, скорбь, отчаяние и надежда. – А то ведь, бя..., – и он долго произносил слова, буквальное значение которых не имело отношение к сложившейся ситуации.

Роман грустно посмотрел на дом, стоящий недалеко от остановки. Свет окон. За которыми тепло. И толстые женщины в цветастых халатах готовят еду.

– Не-а. Противно здесь чего-то, – задумчиво вымолвил он. – И потом, знаешь, Утюг, они же нам хорошую штуку дали, эти банкиры, – он вытащил из-за пазухи не начатую бутылку джина и несколько минут созерцал ее в свете фонаря, болтавшегося у остановки, – Видишь, «Бефитер».

– Ну?...

– Знаешь, что значит «Бефитер»?

– Ну, что значит... Кончай базар. Виски какое-то.

– Не тронь! Бефитер – это личный охранник королевы Англии. Понял?

– Ого, – опустил назад на нагретое место Утюг.

– И чего ж, его – и на остановке?

– А чо? Без градусов он что ли?

Роман спрятал бутылку и огляделся по сторонам. Что ж это за жизнь? Вот здесь и из горла... Ну, выпьют, а что потом?

– Утюг, слышь, а давай в лес! – неожиданно выдал он. И высказанная мысль показалась ему очень хорошей. Почти гениальной. – Нет, ты понял? Ты когда последний раз в лесу был?

Утюг почесал шапку в том месте, которое по расположению соответствовало его затылку. Затем принялся за подбородок.

– Это... Ну, когда у меня еще комната в Лосинке была... Или нет, еще раньше. Но ты, братан, дело говоришь. Только п-п-п-... Заблудимся! Мороз! Видишь?

– А мы на опушке. И постепенно! – Роман почувствовал, что пить где-то еще – просто преступление. – Ты представь, слышишь? Ночь... Мы идем, потом останавливаемся – и по плотку. А?!! И дальше. Это же кайф! А там вдруг фить-ть-ть-ть.. Огонек! Понял? В лесу, за сугробами. Представляешь? А там...

– Лесник. С волкодавом? – предположил Утюг.

– А-а... Не понял ты, – махнул рукой Роман. – Это же я так, для интереса. Лес, звезды, огонек...

– Да я, нет., я понял. Ну, так что, открывай что ли? И двигаем!

Вдалеке, на дороге, выходящей из леса, появился свет фар. Он приближался.

Автобус?

Роман вздохнул. Если это так, то даже жалко. А не ехать нельзя – последний рейс. Конечно, можно и на станции, а там в Москву. Может быть, если на дальних складах у вокзала не закрыли люки, удастся переночевать по-человечески. Это будет удобно, ни каких сомнений. Но выпить в ночном лесу...

Вот если бы не приехали эти самодовольные жлобы на «Мерсах», и их с Утюгом не выгнали с турбазы, вот тогда... Что ж ему так не везет в этой жизни? Одно зло! Но, если смотреть по-философски, может быть, все это – к лучшему. Сейчас в автобус, в тепло. Там они и начнут. Целых двадцать минут кайфа, не меньше. Движение и уют. А вокруг природа....

– Размечтались! – зло процедил Утюг. Вместо автобуса к остановке подъехала мощная приземистая легковушка. И остановилась. – Видать к этим... Ну, которых на джипе привезли.

Машина немного постояла у дома, затем резко, в заносе, развернулась и подкатила прямо к ним. Роману показалось, что это не к добру. Словно подтверждая его мысли, из машины вышли два парня. Решительная недобрая походка. У одного – что-то с рукой.

– Слышите, мужики, – проговорил один из них. Он был крупнее, чем тот, у которого повреждена рука, и глядя на его нервную манеру стоять, у Романа возникло чувство, что этот парень куда-то очень спешит. И стало страшно. Вот сейчас шагнет к нему и как ударит. Но за что?!

– Слышите, наш э-э-э-э... друг, он был с такой бабкой. И с э-э-э-э-э... ребенком. Ну, он только что должен был приехать. Не дождался нас. На станции. А мы... ну, короче, встречали. Ясно?

– Сигареткой угостишь? – сощурился в ответ Утюг.

Опять начнет канючить! Внутри Романа что-то съезжилось и быстро запульсировало. Вот дурак... Что сейчас будет! Этому балаболу – хоть бы что, а вот ему, Роману, опять достанется. Как всегда. И ведь не убежишь, эти бандиты в проходе стоят.

Здоровый тем временем достал распечатанную измятую пачку каких-то дорогих сигарет и протянул Утюгу.

– Ну? – как-то излишне тихо поинтересовался он.

– Что ну? Вот автобус третий час ждем. Таксей нет, а заплатить кому не хватает. Жадные все такие...

Здоровый молча и медленно перевел взгляд на Романа.

– Давно? – еще более тихо поинтересовался он.

– Н-нет..., проговорил Роман, в голове которого запульсировала только одна мысль: «Не бей! Не бей!»

– Н-ну двадцать, так это, минут. Или тридцать пять.

– И куда пошли?

– Туда... в подъезд. Во второй... Который дальше. На второй этаж...

– Ну. Здесь один только такой дом, – подтвердил Утюг. – Обслуга там с санатория живет. Усекаете? И еще, на джипе они приехали. Такой небольшой, красивый. Импортный, ясно? А за рулем баба.

Бандиты переглянулись, быстро вернулись к машине и, подкатив на ней к дому, энергично исчезли в подъезде. Словно их и не было.

Роман встряхнул головой и поморщился. Он был растерян и подавлен.

Трус! Трус, гад и предатель. И опять, кажется, влип. И почему с ним всегда случается что-то ужасное? Словно все вокруг сговорилось и за что-то ему мстят. Вот и теперь, он отчетливо чувствовал, как его затягивает в нечто злое, опасное и неприглядное. Помимо его воли.

– Пошли, – вдруг выпалил он. И осознал себя стоящим на дороге, ведущей к станции. А что, может быть, он еще успеет дойти до леса. Пока они не вернулись. И не сели в свою бандитскую машину. Роман взмахнул рукой и быстро пошел.

В спину дул ветер, впереди темнел лес. Они с Утюгом войдут в этот лес, отыщут там тропинку и.... Ведь лес совсем близко! Как-то даже неожиданно близко. Вот только что далеко был, а сейчас он в него войдут...

Конечно, все это – фантазии. Пустые и дурацкие фантазии, которыми полна его жизнь. А он все бредет и бредет по этому ландшафту разочарований, унижений и гадостей. Еще надеясь, что вон за тем леском вдруг блеснет маленький желтый огонек. Он подойдет, постучится в дверь, за которой тепло, и в этом тепле уютно сидят добрые нормальные люди, которые будут ему рады, которые ждут именно его, которые его любят. И все станет по-другому. Пусть это чушь, пусть никто не обещал ему ничего подобного, но если не думать об этом и не представлять ничего такого, то как же тогда жить? Нет, вперед, только вперед!

– Сюда! – воскликнул Роман, – Кажется, тут лыжня! – и, перепрыгнув через снежный отвал, нырнул в небольшой проход под елями. – Главное быстро и подальше от дороги!

Уворачиваясь от веток и натываясь на какие-то неразличимые в темноте елей кусты, Роман бежал и бежал. Лыжня куда-то исчезла, снег стал глубоким. Старые ботинки и брюки ниже колен стали мокрыми. Съехала шапка, выбился шарф. В тяжелом пальто было жарко, дыхание сбилось.

– Ну вот, – выдохнул он и остановился. – Кажется, убежали! – Роман поправил шарф, застегнул пальто и огляделся. Он стоял на небольшой вытянутой поляне. И вокруг него никого не было.

Как странно. Он же бежал сзади.

– Утюг! Утю-у-уг! – позвал Роман и прислушался.

Под ногами хрустнул снег. Где-то сверху ветер тревожно раскачивал верхушки деревьев. А впереди равнодушно серела сплошная стена леса. За которой, кажется, помигивал далекий огонек.

– Ну вот, – проговорил Алекс и поднял бокал. Произнесенные слова выразили то, о чем он думал коротко и точно.

– Ну вот, – повторил Алекс. И уточнил, – Сейчас, как выпьем и поедим....

– В общем, ужремся, – громогласно поддержал его Семен.

– И, как самый голодный в этих лесах, – Алекс, дабы никто не усомнился в этом утверждении, воинственно поднял голову, – И, может быть, самый жаждущий... Короче, объявляю двухминутный перерыв на болтовню. Только пьем и закусываем!

– Вау! Замечательно! – одобрила эту мысль Люба.

– Да, после всего, что я сейчас пережил..., – присоединился Иван.

А Настя радостно обвела всех взглядом и спросила, – Ну что, мы чокнемся наконец-то? Из бокала пахло можжевелем. Неразбавленный, успел понять Алекс. И в это момент услышал тихий и долгий стук в дверь.

Ну вот.

– Ничего себе..., – тихо произнесла Люба.

Опустевшие рюмки и стаканы быстро вернулись на место. Пересиливая желание закусить, Алекс снова пошел к двери. Это даже интересно. Кто там еще, Дед Мороз? Еще одни пришельцы? Или тот чокнутый с пистолетом? Сергей озабоченно встал с места и, схватив полюбившуюся кочергу, встал сбоку от двери.

Алекс открыл. На пороге стоял странный тип в мешковатом пальто и свалывшейся заячьей шапке.

– Здравсьте, – произнес тип и, изображая стеснение, уставился в пол.

– Так..., – ответил Алекс. – Добрый вечер. Предположим... В чем дело?

– Извините, – слышалось из-под шапки. Вот... Заблудился.

– Не понял?

– Вы извините, ну не сердитесь, пожалуйста..., – тип поднял к Алексу лицо полное объяснений. И это лицо вдруг озарилось какой-то идеей. – А у нас.. То есть теперь только у меня, правда... – есть! – и странный парень вытащил из-за пазухи литровую бутылку джина «Бефитер».

– Пусть тащит сюда! – радостно предложил Семен. Который уже успел и выпить и закусить. А Сергей тихо шепнул на ухо, что видел, как этот парень вроде бы работал на турбазе.

Вроде бы работал... Сколько же разных и удивительных людей гуляет по родному Алексову лесу этой ночью!

– Ты тут вывеску «Ресторан» видел? – спросил он. Пришедший удивленно замотал головой. – Или указатель с приглашением? Это частный дом!

Странный посетитель отпрянул.

– Я... я там умру, – тихо сказал он, указывая взглядом на лес.

– Хорошо. Затвори дверь, – поморщился Алекс. – Ты действительно один?

– Спасибо, – улыбнулся человек. – Меня зовут Роман, – он сел у стены, смиренно сложив пальто на колени. Смутился.

Хорошо, что хотя бы представился. Та симпатичная дама со своим спутником ничего о себе и не сказали. Правда, как они могли это сделать во всей этой гостевой суматохе? Но что было бы, если бы он сюда вообще не приехал? Или застрял в пробке? Странно представить, как они все равно приперлись бы в полном составе сюда. И сели ужинать в его доме. А этот тип, скорее всего, тут бы поселился. Что-то не так...

– А, вы знаете, я шел, – почти всхлипнул новый гость и вдруг снова улыбнулся. – Я шел, шел. Ведь я только свернул. Я ведь работаю, ну недалеко тут, в зоне отдыха. У меня даже паспорт есть. И в нем прописка московская. Была.

– Замечательно, – попытался поддержать его Алекс. Он поспешил снова оказаться за столом. В тарелке была закуска, Семен разливал по бокалам следующую дозу спиртного, а Настя уже принесла приборы для нового гостя и накладывала ему винегрет.

– Вам с маслом или с майонезом?

Люся рекомендовала Сергею что-то попробовать, а неизвестная гостя вежливо закусывала и чуть улыбалась. По-видимому, это очень весело: наблюдать со стороны, как человеку весь вечер никак не дадут поесть.

– Да. Это джин, – произнес Семен, сосредоточенно обнюхивая горлышко принесенной бутылки. – Только пробка скручена. Разбавлял что ли?

– Нет, нет, нет! – испугался новоприбывший Роман. – Просто хотел выпить его в лесу. Понимаете? Кругом заснеженные елки, лес, ночь. Как Новый год... Ну, я и открыл.

– И не выпил? – искренне удивился Семен.

– Не-а. Представляете? Стало страшно.

У Сергея звякнула вилка, и за столом стало как-то непривычно тихо.

– Страшно? – Алекс сделал над собой усилие и намазал хороший слой паштета на половинку крутого яйца. Медленно, медленно вода ножом. – Чего страшно? – спросил он, – Медведя увидел? Или еще кого?

– Нет-нет, – затряс головой Роман. – От этого-то и страшно.

Сергей с пониманием посмотрел в его сторону. Затем на Алекса, словно напоминая, я же говорил...

– Как, и вы..., – поднял встревоженное лицо Иван. – Ну, то есть, и ты что-то почувствовал? Тоже, да?

– Старый, ты чего? Мы же договорились..., – поморщился Семен.

– У-у-у-у-у-а-а..., – Алекс откинулся к спинке стула, взял в руки фужер и тихонько завыл. Все замолчали и испуганно посмотрели в его сторону. – У-у-... Я хочу-у-у-у выпить, – Алекс посмотрел на фужер. В хрустале переливался свет, и эти переливы несли что-то радостное, спокойное и уютное. – Я провозглашаю сей тост, в честь этой знаменательной даты. Ибо сегодня тут, в этом доме открывается филиал печально известных «Белых столобов». Только у нас, судя по всему, будет еще круче. У-уу-у...

– Ну да. Чур я буду Кащенко! – шумно осенило Семена.

– Ничего не понимаю, – созналась Люба. – Тогда меня, всякий случай... считайте принцессой Дианой.

– Так. Если я правильно поняла, – улыбнулась женщина в белом, – Вы здесь сами решаете, кем вам быть?

И внимательно посмотрела на присутствующих.

В наступившей тишине послышалось, как в соседней комнате что-то глухо упало на пол.

– М-да, – выдавил из себя Алекс. Глухой звук почему-то встревожил его больше, чем эта странная беседа. – Но, похоже, ваш спутник решил стать человеком, который падает с кровати на пол.

Алекс вздохнул и снова вышел из-за стола. А что делать? Видимо, ему нужно смириться с тем, что он проведет вечер голодным

В соседней комнате все было на месте. Раненый лежал на кушетке. Спокойно и безмятежно, как человек наконец-то оказавшийся в безопасности и понимающий это. Рядом – аптечка, разбросанные презервативы. Тусклый ночник, темные очертания мебели, полумрак. Тем временем, голоса людей за стеной продолжали обсуждать странность этого вечера.

– Да, кажется, я давно не была в России, – высказала свою версию Люба. Как всегда, спокойно, но немного растерянно.

– А я тут живу уже третий год, но что б так..., – мрачно ответил Сергей.

– Нет, ну есть же кто-то, кто может мне, наконец, объяснить, что все это значит? – не выдержал Иван.

Ему никто не ответил.

Что это значит? Что это значит? Что это значит?...

Действительно, что? Непроизвольное изменение сознания? Тогда в чем причина? И откуда это странное чувство, что он видел все это?

Алекс собрал сознание. Да, верно, видел. И даже знает, что нельзя тупо стоять как столб в этой комнате. Потому что, когда он стоял....

Нет, Ваня прав, что это значит?

– Это значит, все вы – покойники, – равнодушно и грозно произнесло лицо, неподвижно застывшее в углу.

И Алекс увидел, что у этого лица есть еще и рука. Которая держит большой черный пистолет. А вторая перевязана и висит на смешной цветной тесемочке. Видимо, он не сразу увидел все это после светлой комнаты.

Убийца проник сюда через сарай. Сергей – балбес, кричал больше всех, а сам... В голове что-то переключилось и в момент этого «щелчка» пронеслось с десяток мыслей одновременно. Что им нужно? Опять пистолет! Карма? Но почему? Им нужен именно он? Или кто-то там, в комнате: Настя, ребята? Или эта странная пара? А этого парня он уже...? Так, может быть, тумбочкой по ночнику? Или покрывалом? Оно отвлечет...

– Руки за голову. Быстро. Стоять.

– Этот человек без сознания. Он ранен, – зачем-то произнес Алекс, показывая на лежащего незнакомца. Неужели этого парня с сознательным лицом уже добились? А там, в большой комнате?

– Без сознания?

– Совершенно.

Бандит прицелился Алексу в голову. Сейчас и он, Алекс, лишится сознания тоже. Интересно, что у него с другой рукой? Ранен? Кем? А если он к нему, в чем причина? Заказ? Чушь, это проще в городе. И, если убивать – то сразу, пока он не понял что к чему. Значит, этот гад чего-то ждет? Чего?

И, словно в ответ на этот вопрос за стеной вдруг послышался грохот, женский вскрик, и чей-то незнакомый уверенный голос проревел, «Всем лицом к стене, быстро!»

Во взгляде человека с пистолетом мелькнуло что-то похожее на удовлетворение, рука напряглась.

Это – конец. Их всех там тоже расстреляют, а выстрел в него – сигнал. Сначала его, затем...

Там за углом оголенная розетка; дотянуться, ударить кулаком.. – еще секунда и будет поздно. А коротнет – кто-то спасется. И еще, они пришли не за ним. Он это знает точно. Но какая теперь разница...?

– Там в подвале..., – начал говорить Алекс и негромко стукнул ногой по полу.

Его противник на миг опустил глаза на указанное место и этого оказалось достаточно. Алекс отскочил за угол и почти в тот же момент ударил рукой по торчащей из стены вилке.

Ночник погас. Алекс быстро сгруппировался и низко присел. Если будет стрелять наугад, промахнет. Но, судя по полоске света из большой комнаты, полного короткого замыкания, обесточивающего весь дом, не вышло. Жаль, подумал Алекс, и удивился почему нет ни выстрела, ни погони. Пушка не настоящая, или...? Нет, настоящая, он почему-то знает это точно. Алекс нащупал в темноте ножку табурета и услышал, как за углом в комнате стукнулся о пол какой-то тяжелый предмет. Пистолет, догадался Алекс. Затем послышался сдавленный крик, и тихий голос с еле заметным акцентом произнес «Так. Он больше не опасен».

А где-то за стеной посвистывал усилившийся ветер.

Вьюга, подумал Иван. И эта мысль выглядела как спасение. Спасение от того, что там за спиной, в комнате. Яркой освещенной комнате.

Метет...

Перед его глазами, близко, близко была бревенчатая стена. Какие-то кружки, показывающие, что у этих деревьев когда-то были ветви. Пока их не срубили, не обтесали и не положили в стену этого дома. Что бы они защищали человека.

Дерево. Неужели, это правда? Неужели, это будет последним, что он увидит в своей жизни.

Как страшно глупо все вышло! Когда этот здоровый бандит легко отшвырнув Сергея, ворвался в комнату и взвел автомат, Иван не поверил, что это на самом деле. Как тогда, в электричке. Или не мог поверить? Грубый окрик, страх, его идиотское, постыдное подчинение. И вот они уже ничего не могут сделать и стоят лицами в эту стену. Добрую, желтую, защищающую. Только не от того сильного и напористого голоса, который сзади.

– Стоять! Не дергаться! Кто дернется – пуля! Ну!?

И Иван захотел, что бы все произошло как можно быстрее. Кровавая вспышка в глазах.... Он, наверное, даже не услышит выстрела; провалится в эту вспышку и полетит, полетит...

Куда?

И в этот момент поразительно спокойный женский голос со странным выговором и уверенностью, в которой нельзя усомниться, холодно произнес.

– Без нас не выберешься.

Кто она? У Алекса много странных друзей, но это...

– Что? Молчать!», – заорал бандит и щелкнул затвором.

– Самоубийца..., – с презрением усмехнулась женщина.

– Закройся! Ты все врешь! Мы... Мы выйдем по следам!

– Их уже нет.

Иван не сразу понял, о чем они. Но тот парень, по-видимому, соображал быстрее. Еще бы, – такая профессия.

– Что ты гонишь? – взревел он. – Что? Ну?

– Все изменилось.

– Все? Ты... сейчас расскажешь! Ну!

Женщина молчала.

– Расскажешь или... Мызари! – хрипло заорал вдруг бандит. – Мызари, ответь! Или я сейчас грохну их всех! Мызари! Ну?

– Постарайся не двигаться и брось свое оружие, – очень правильно произнес кто-то в ответ. С таким же отсутствием акцента, как у неизвестной женщины. – Тогда тебе ничего не будет, – Судя по звуку, этот кто-то был около двери в комнату.

– Та-а-а-а-а-к! – почти завизжал убийца и натянул какую-то пружину в своем автомате.

– Ноу! Ноу! – быстро выкрикнула Люба.

Послышался топот. Что-то упало. Иван машинально обернулся. В сторону убийцы летели одновременно стул и табуретка. Где-то сбоку у стены, пригнувшись, бежала Люба, вооруженная какой-то палкой. В то время как сам убийца эффектно заваливался назад. Ибо лежащий почему-то за шкафом Алекс выдергивал из-под него старый половик.

– Давай! Мочи! – прохрипел и замолк неприятный высокий голос.

Мызари, догадался Иван. И с опозданием схватил со стола нож.

Стул и табуретка пролетели мимо, половик оборвался, и Алекс с его куском в руках, отлетел куда-то вглубь комнаты; но Любе все-таки удалось вцепиться убийце в лицо, и тот все же упал. И выстрелил куда-то вверх. Все, в том числе и Люба, отскочили в разные стороны. Наступила удивительная тишина, среди которой убийца, не выпуская из рук автомат, медленно поднимался на ноги. Почти по той же траектории, по которой падал. Тогда Настя вынула из висевшей рядом куртки газовый пистолет и три раза выстрелила ему в лицо.

– Газы! – истошно заорал Роман.

Убийца бросил автомат и, держась за голову, откатился к двери, где безуспешно пытался подняться. К нему с увесистой бутылкой в руке кинулся Семен. Но было поздно: входная дверь отворилась и на пороге возникла закутанная женская фигура с топором.

– За внука моего, гад...! – выкрикнул звонкий старушечий голос. Ее оружие – тяжелый колун, – вознеслось вверх, но задело за проводку.

Посыпались искры. Погас свет, и у Ивана сильно защипало в глазах.

– Электричество отрубилось! – прокомментировал это явление Алекс.

А глаза так щипет не из-за искр, понял Иван, и после этого его сознание больше уже не рождало каких-либо мыслей.

Был только шум. Много, много голосов, топот ног, грохот падающих стульев, сдавленный крик. Ударяясь обо что-то и спотыкаясь, Иван выбрался из дома. Там тоже что-то кричали. Где-то рядом в лесу хлопнуло несколько выстрелов.

– Не нужно снегом, – посоветовал ему кто-то.

Из глаз текли слезы, из носа – сопли. Без пальто было неуютно и холодно. К тому же он задел какую-то ветку и его обсыпало снегом, который таял за воротом и щипал руки. Но, может быть именно от этого, резь в глазах стала постепенно пропадать и Иван стал приходить в себя. И, когда он смог, наконец, осмотреться, он увидел, что стоит под громадной елкой и видит поляну. На поляне за ветками ели светлела крыша дома, под окнами которого двигались две или три фигуры. И над всем этим стояла ночная зимняя тишина.

Шло время. В голове что-то пульсировало, но она прояснялось. Зато тело мерзло все больше. Откуда-то появилась его спасительница Мария Петровна. Иван сначала испугался, решив, что это галлюцинация, и не окликнул ее, но потом понял, что фигура с топором, сокрушившая проводку, как раз и была она.

– П-п-пойдем что ли? – предложил спрятавшийся за соседней елкой Роман.

Все собрались у дома. На Рому газ почему-то не действовал, он нырнул внутрь и вынес несколько пальто. Постепенно из звучавших вокруг вопросов и ответов стала проясняться картина происшедшего. Получалось, что Алексу и раненому удалось справиться со вторым убийцей, в то время как Мария Петровна ворвалась в дом, потому что разыскивала внука, которого эти бандиты взяли в заложники. Но из-за короткого замыкания свет погас во всем доме, и убийцы скрылись. Но уже без оружия. Лесник по имени Сергей бурно радовался этому факту, хотя из него вовсе не следовало, что убийцы не могут явиться вновь. Да еще прихватив с собой банду таких же как они. Только с пулеметами и гранатами.

Но самым страшным было не это. Что-то вокруг происходило не так. Словно он, Иван, видел все со стороны, и словно узнавал это не в первый раз. Люди, их слова, темно-синее небо, ограниченное слева запорошенной крышей, и вдруг – чье-то лицо. Оно только возникло, но уже знаешь, что оно хочет сказать. И знаешь, что все это не так. Но не знаешь, как было на самом деле. Потому что знать – страшно.

А вот крыльцо. На него выходит Люба. «Нужно принести дров, огонь гаснет», – говорит она, но при этом почему-то догадываешься: она выпустила палку из-за того, что споткнулась, и поэтому вцепилась в лицо убийце руками. Люба...

Они вернуться!

Сергей. Местный. Друг Алекса. До него это тоже, наконец, дошло. И он испуган, спрашивает, где Алекс? Это очень плохо, что нет Алекса. И тут Роман, предлагающий всем джин.

– Ну что? Заходите в дом. Кажется, все уже выветрилось, – говорит Настя. И все становится на свои места. Ибо ясно, что Алекс и Семен пошли искать машины, что бы затем подогнать их к дому. И сейчас приведут Максима, оставшегося в машине убийц. А те – вообще остались без транспорта. Но, откуда он все это знает? И тут хлоп. Словно стена. И ничего не понятно. Одни вопросы, которые пока трудно осознать и выстроить в порядке важности.

Теперь они в доме. Терпимо. Появились Алекс, Семен и освобожденный Максим. Алекс сразу ушел за дровами. А они снова за столом. Все позади, они собрались, зажгли свечи, и их колеблющийся свет постепенно возвращает Ивана к реальности.

Он встряхнул головой. Ничего себе, вечерок!

Где-то по-прежнему свистел ветер. Все молчали. Люся, Семен, серьезный и притихший Роман, Сергей, сосредоточенная Настя, сокрушенная Мария Петровна, полуотключившийся Максим. Станные гости Алекса в своих странных костюмах и со странными движениями. И сам Алекс.

Который просто молча накладывал себе колбасы.

– Наверное, Москва зимой самый грязный город в мире, – внезапно заявил он. Тихо и спокойно, словно им было больше нечего обсудить. И предпринять. Например, позвонить в милицию. Впрочем, о чем он... – Зимой, когда человеку свойственно хотеть чистоты, снега, льда..., – тем временем продолжал Алекс, – А тут грязь, слякоть, противное коричневое месиво на дорогах. Один раз прислонился к Настюхиной машине, теперь придется стирать куртку. Какая-то азиатская грязь. Или это – от бедности?

– М-м-м, я когда-то был в Кувейте, – глубокомысленно откликнулся Семен. – Там чисто. Но там нет зимы.

– И они богаты, – дополнила Люба.

– Это все дворники! Ведь дворники-то сыплют всего..., – внесла свою лепту в обсуждение Мария Петровна.

Боже, о чем они говорят?

– Да..., – рассеянно согласился Роман.

Семен взял бутылку и начал привычно разливать ее содержимое.

И в этот момент посвистывающий в дымоходе ветер принес откуда-то издали тихий звенящий звук. Он был похож на звон большого числа колокольчиков. Ивану показалось, что эти колокольчики должны быть маленькими и искрящимися, как снежинки. Которые вытянутым облаком несутся над ночным лесом в темную северную даль. Постепенно стали различаться отдельные позванивания, которые были громче других. Они, словно о чем-то предупреждали. Или просто выражали в звуке то, чем был для них полет среди морозных ночных лесов. И тон этого звона постепенно стал высоким, очень высоким, запредельно высоким. И когда показалось, что еще немного, и они ворвутся внутрь дома, в эту комнату, внутрь их тел, и они все, так же зазвонят, заискрятся и разлетятся в морозную темень мелкими ледяными осколками, все стихло. Словно уши, или даже всю голову, заложило ватой. «Ты слышал музыку сфер», – без какой-либо видимой логической связи подумал Иван. И попробовал пошевелиться.

– Ой! Ты же прольешь на меня! – воскликнула Настя.

– Да тут вообще зальешься, – выразительно осмотрел выполненную им на столе лужу Семен. За тем, подумав, добавил, – И обосышься.

– Да уж, – вымолвил Сергей. – Я же говорил, ... А вот теперь еще и слуховые...

– Нет. Я все-таки сейчас выпью, – заявила Настя. Так нельзя. Что-то происходит, и никто ничего не знает, – и она вопросительно взглянула на Алекса. – Слушай, ты можешь объяснить, что это тут был за звон?

– Ну... Воины Четвертого Короля приближаются, – ответил тот, аккуратно разрезая яичницу.

– Но.. я же серьезно.

– Кто-то грозился выпить.

– Друзья, кажется, больше всех грозился выпить сегодня я, – напомнил Иван. И встал.

«Что это я...», – подумалось ему, но было поздно. И еще стыдно. Стыдно за тот страх у стены, за панику, за столовый нож, который он так и не пустил в дело. Что так и не рассказал, кого на самом деле хотели убить те двое. И страшно. Ужасно страшно. Потому что мысли, как непослушные ноги, обутые в тесные коньки, разъезжаются и ты вот, вот упадешь. Потеряв остатки запутавшегося сознания. Но разве хрупкой женственной Любе было тогда менее страшно?

– Так п-получилось, – продолжил Иван. – Происходит какой-то маразм. Мы в него угодили. Но, друзья, многое,.., то есть кое-что в жизни происходит не случайно. И.. может быть, – Иван вдруг почувствовал, что его мысли попали в какой-то верный поток, – И, может быть, это даже очень здорово, что с нами, наконец, начинается что-то происходить. Ну... нестандартное, можно сказать. Может быть что-то очень важное. И.. ну выпьем, наверное, да?

– Ужремся, но не испугаемся! – выпалил Семен.

Роман радостно закивал, а все остальные стали сдвигать бокалы.

Телу стало тепло. Так-то лучше, – подумал Иван, опуская пустой стакан на скатерть, и потянулся за большим куском колбасы, начиненным какой-то аппетитной зеленью.

– Но все-таки, – закусывая заметил Сергей. – Я в этих лесах живу уже не первый день... Давайте, все-таки, разберемся. Что это был за звон, и что он значил, а?

Тогда странный гость Алекса, поставил фужер, откинулся на спинку стула и, отчетливо выговаривая слова, произнес:

– Разве вам не ответили?

– Что?...

– Увы, если это нужно, я могу подтвердить. Это они, – вскинул бровь гость.

– Кто?!

– Вестовые колокольчики Четвертого Короля дома Иотиргов.

– А-а? – выдохнул Роман.

Внутри у Ивана что-то оборвалось и стало стремительно падать вниз. А Люба выронила нож, который со звоном стукнулся о тарелку и бухнулся на пол. Тогда странный мужчина оглядел присутствующих и добавил.

– И это значит, что его люди уже здесь.

«Ну-ну-ну-ну-ну... Ну-ну-ну-ну.... Ну-ну-ну-ну...»

– Роман, не надо спешить с джином, – Алекс рассматривал полупустой бокал. В руке – вилка с подцепленным на нее куском яичницы. – Его у вас никто не отнимает. Разве что эти, Иотирги.

Алексу никто не ответил. Семен молчал. Сергей напряженно о чем-то думал, Иван косился на дверь.

– Что ты говоришь? – попыталась встряхнуться Настя. «Ну-ну-ну-ну...» – странная мелодия звучала так отчетливо, словно ее было слышно на самом деле. Монотонная, скупая на интонации, вводящая в оцепенение.

– Да так..., – задумчиво ответил Алекс. – Думаю вслух.

Она вздохнула. Надо собраться! Анастасия Стрельникова, бывшая студентка, певица и актриса, ныне корреспондент и даже немного ведущая французского телевидения. Ведь звучит? И вот она сидит за этим замечательным столом, с не менее замечательными людьми и некрасиво горбится. Наверное, потому что в доме выстужено. Так нельзя.

Когда-то Семен, этот замечательный, добрый, застенчивый, грубый и стильный человек, учил ее держать спину, двигаться от бедра, и, когда она расправляла плечи и футболка в районе ее груди, натягивалась, смущенно отводил взгляд. Кажется, он всегда ждал от нее чего-то великого и невозможного. Увы, она стала забывать этот взгляд, а он, кажется, ждет до сих пор. И от этого на душе так тепло, так хорошо, словно она действительно такая великая и невозможно талантливая, какой он ее видит. Но сейчас даже он растерян.

«Ну-ну-ну-ну-ну...»

И Алекс... Нет, это очень хорошо, что здесь Алекс. Она не ожидала, что ей будет так интересно, так хорошо оказаться снова где-то рядом с ним. Видеть, слушать, впитывать, как он сидит, как улыбается, как реагирует...

Нет, она не настолько смелая. Она не собиралась ехать к нему сразу после прилета. Но с Любой это показалось как-то легко, и, если бы не та встреча в аэропорту, Настя, была сейчас где-то в другом более цивилизованном и менее страшном месте. Или так теперь везде?

Да, хорошо, что Алекс рядом. Только не нужно на него так пялиться. На его вечно ироничное лицо, на такие привычные и, как ни крути, родные глаза. Наверное, до какого-то момента это будет помогать.

«Ну-ну-ну-ну-ну...»

– Господи спаси и сохрани... Спаси и сохрани нас, грешников страшных..., – перекрестилась Мария Петровна.

– Да.. Кому рассказать – не поверят, – задумчиво произнесла Люба. – Такие явления...

– Правильно. Самое время, чего-нибудь выпить, – согласился Семен.

И Иван бешено закивал

– Верно! И не терять контакта. Мы пока еще можем общаться. И обсуждать. Я, в смысле, что происходит. Это – главное. Мы... ну возьмемся за руки. Понимаете?

– Господи святы, господа святы. Чур меня, чур-р...

«Ну-ну-ну-ну-ну... Ну-ну-ну-ну-ну...»

Стойка бара. Красное дерево, испещренное следами от стаканов с грязным дном – замысловатые узоры из больших и маленьких кружков. Бочка. Старый-старый деревянный буфет. Запах моря, табака и какой-то еды.

– Капитан Дук выйдет завтра, – проговорил шкипер с небольшой узкой бородой.

– Вы в этом уверены? – его собеседник, человек с внешностью умного негодяя, облокотился на стойку. Он пил ром и полагал, что сейчас ему ничего не угрожает.

– Уверен ли я? – удивился шкипер. – Да как в том, что завтра весь день будет штиль!

– Значит, выйдет, – согласился умный. И вдруг разозлился. – Выйдет.. А какого черта!?

– Ему хорошо заплатили. Тот сумасшедший малый, ну, тот, который был тут вчера.

– Вот, вот. А для чего ему, дьявол, все это?

– У каждого свои дела, – уклонился шкипер и сделал пару глотков. – Я же не спрашиваю вас, зачем мы ходили прошлой осенью на Гани-Гулу.

– А ты неглупый малый, – задумчиво проговорил негодяй.

– Я никогда не задаю лишних вопросов. В особенности Дуку. Ну а того малого не стремиться выпытывать даже он.

– Тогда зачем согласился? – Негодяй поднял голову и пристально посмотрел шкиперу в лицо.

– Как? – напрягся тот.

– Мне очень жаль, – голос Негодяя стал грустным и задумчивым. – У меня сейчас выгодное дело. Очень выгодное. Набираю людей. Рассчитывал на тебя..

– Сожалею. Вот в следующий раз...

– В следующий раз? Разумеется...

Шкипер вздохнул. За небольшими окнами где-то внизу шумел океан. Оба знали, что следующего раза не будет. «Ну-ну-ну-ну... Ну-ну-ну-ну...» доносилась из кухни песня аборигенов.

– Гром и молния!

Все вздрогнули и повернулись в ее сторону. Но, кажется, только Семен что-то понял. Все остальное было по-прежнему. И, может быть, настоящим. Они сидят за столом. Свечи, запах печки, какой-то смолы. Точно так же было и в том маленьком отеле. Прошла лавина, в генераторе кончилось топливо, и они сидели без света. Завывал ветер. Всем стало скучно, и она согласилась. Зачем? Дура. И почему она не выяснила, что это было?

Капитан Дук. Хитрая, легкая ухмылка, высокая чуть выгнутая назад фигура, большие блестящие пряжки на ботинках... Он что-то задумал!

– Послушайте, – Насте показалось, что в ее голосе слишком много эмоций. Она выдохнула, как ее когда-то учил Семен, – Послушайте, я думаю, что все мы употребили наркотик. Все вместе, понимаете?

Сидящие за столом вопросительно молчали, Роман даже опустил рюмку. Как странно, что никто не догадался об этом раньше. Особенно Алекс; он в этом понимает. А если догадались, почему молчат?

– Сергей, ведь ты – врач? – обратилась Настя.

– Ну... Учился когда-то, – без энтузиазма ответил тот.

– По-твоему, это возможно?

– Чтобы так коллективно? Трудно сказать. Теоретически, конечно возможно. Я тоже думал. Но чтобы вот так коллективно...

– Ну.. не совсем, – попыталась объяснить Настя. – Я, только не смейтесь пожалуйста, я видела сейчас капитана Дука. Это.. такой образ. Несколько месяцев назад я один раз попробовала наркотики, и тогда Дук появился впервые.. Сейчас никто кроме меня его не видел, значит это – галлюцинация. Понимаете?

– Капитан Дук? – удивился странный гость Алекса и потрогал браслет на своей левой руке. – Мне трудно понять... Здесь?

– Ну да. По-видимому, эти наркотики действуют каким-то сходным образом... Только я не знаю какие!

– Капитан Дюк Эллингтон! – обрадовавшись чему-то своему, воскликнул Роман.

– Его фамилия не Эллингтон, – возразил неизвестный. – Возможно, вы говорите о другом человеке, но капитана, того капитана Дука, которого я знаю, всегда звали Дук Брин Ван дер Куулен. А еще Кривой. Он любил делать вид, что у него нет одного глаза.

– Делать вид...

– Нельсон..., – растерянно выпалил Роман. И затих.

– Да нет. Нельсон – это его шкипер...

– Мар-разм, – схватился за голову Семен.

– А вот у Вовки в компьютере....

– Как? Почему делал вид? – повторила Настя. Какая она дура... Зачем ей понадобилось выяснять эти мелочи? Она посмотрела на странного гостя Алекса, на его перевязанную голову, на странный костюм...

Но ведь это какой-то сон. Его костюм такой же! Значит этот человек – тоже оттуда! И все его видят...

– Боже, – воскликнула она. – Боже, а кто тогда вы? И вы? – ее взгляд упал на спутницу этого странного человека.

Те переглянулись.

– У вас какие-то странные общие знакомые..., – как-то совсем не к месту съязвил Алекс. Насте показалось, что он даже немного зло. Впрочем, знакомые, мягко говоря, действительно странные. Но ведь он должен их знать...

– Впрочем, ребят, тут, действительно, вся эта суматоха со стрельбой..., – вздохнул Алекс, обращаясь к своим странным гостям. – Полагаю, нам действительно следует выпить за знакомство. Я сейчас все-таки сделаю это – попробую всех перезнакомить, – он встал и направился с фужером вдоль стола.

– Это – Иван, замечательный композитор, музыкант, и даже поэт. Сейчас в очередной раз зарывает свой талант в землю. Правда, с благородной целью – что бы из него что-то выросло. Ушел в народ, и там преподает.

– И, иногда пре-поддает, – пояснил Семен.

– Да нет!...

– Вот эта красивая серьезная девушка, – Алекс нежно взял Настю за плечи и подмигнул ей, – Работает на Французском телевидении. Она журналист певица и актриса. Последнему ее когда-то научил мой старый друг Семен, вот этот вот симпатичный мужчина – отличный музыкант, продюсер и даже продвинутый мастер боевых искусств. А это – Мария Петровна, самый счастливый человек, потому что все время живет в этих замечательных местах. И у нее самые вкусные в округе и даже в мире огурцы! Ее племянница живет в соседнем поселке. Ее внук и сын племянницы Максим...

Алекс продолжал ораторствовать. Будь внимательнее, будь внимательнее, накручивала себя Настя. И, пытаясь понять, в каком они состоянии, переводила взгляд с одного человека на другого. Да, впечатляющая компания. А если кто-то не справится?

«Ну-ну-ну-ну... Ну-ну-ну-ну....»

Стоп. Ненужно. Настя налила себе полный стакан тоника и сделала несколько глотков. Все верно. Она все больше узнавала это состояние. Теперь хочется пить. Ой, как противно ей будет завтра! Но каким образом?

– Ребят, ну теперь вы расскажите, кто вы, и откуда взялись, – проговорил Алекс и уставился на непонятную пару. Насте показалось, эхо его голоса почему-то отдается в разных углах дома, перемещаясь все выше и выше на чердак. И там постепенно стихает, поглощаемое большой снежной шапкой на крыше.

Откуда взялись... Откуда взялись... Откуда взялись...

Что-то начинается...

Лицо женщины казалось холодным и отстраненным. Мужчина смотрел на Алекса так, словно не очень хорошо понял, что тот сказал. Затем они снова переглянулись.

– Странно, – произнесла женщина. – Странно.... Это тот вопрос, на который мы не можем ответить точно, – она внимательно глядела на присутствующих. – Это – не тайна. Мы не знаем.

Наступившая пауза напомнила вакуум.

– Ребят, вы чего? – искренне изумился Семен.

– Так..., – вздохнул Алекс. – Ну, а как вы оказались в лесу?

– Это не составило проблем, – пожал плечами мужчина, – Мы через него шли, – и он внимательно, посмотрел на Алекса, – Этот дом ваш?

Алекс кивнул.

– Следовательно, мы шли к вам.

– Вы уверены, что именно ко мне?

– Не понимаю, – белоснежная женщина опустила глаза, затем подняла их и твердо посмотрела на Алекса. – Почему мы должны быть неуверенны?

– Если вы будете настаивать, я, конечно, сделаю попытку нас представить, – примирительно проговорил ее спутник, и она кивнула с удивительной для такой холодной женщины мягкостью и в тоже время с каким-то нематериальным достоинством. – Конечно, здесь это скорее запутает. Но раз вы так хотите... В тех местах, откуда мы прибыли, имя дамы, с которой вы сейчас говорите, – Иллис. Она известна миру как королева обширных земель, которые называются Нижняя и Верхняя Излония.

Та сдержанно и даже величественно кивнула.

– Мой спутник – лорд Эйзя Продвинутый, – сообщила она. – Он регент короля Вадерона и Эльдванны Великого дома Калланоргов Эйника Одинокого, тринадцатый герцог Веенгель и граф Айн.

– Не берусь утверждать, что наши титулы точно соответствуют тому, что под этими словами подразумевают у вас, – продолжил человек, названный лордом, – Вы это хотели услышать?

– Ничего себе, – покачал головой Роман. А Семен присвистнул и скосил взгляд на Алекса.

– Я, – приготовился продолжить лорд, и его «я» прозвучало как легкое предупреждение. – Я не возьмусь объяснить цель нашего путешествия кратко. Но оно предпринято сознательно. И ты, – он устремил свои внимательные глаза на Алекса, – Ты должен понимать, почему мы именно здесь, а не в каком-то другом месте этой страны.

Женщина, которую представили как Королева Иллис, снова кивнула. И Настя почувствовала, что пространство вокруг как-то неумовимо стало отделяться от нее самой. Это было верным признаком того, что она сейчас грохнется в обморок. Потому что эти странные господа не врут. Это она, Настя, чего-то не понимает. Потому что, если внимательно посмотреть на эту красивую женщину с пепельными скандинавскими волосами, как-то сразу чувствуешь, что в ней действительно королевская кровь. Только почему сейчас эта королевская особа так вопросительно смотрит на Алекса? Ей от него что-то нужно...

Как же трудно ее рассмотреть! Она кажется статичной и важной, но на самом деле ее внешность постоянно меняется каким-то неумовимым образом. И стоит сосредоточиться на какой-то черте ее лица, как та странным образом ускользает от внимания. В этом есть даже некая прелесть. Она что, с ним кокетничает?

– Значит, это вы все устроили? – спросила Люба. Как истинный переселенец, она и сейчас не теряла присутствие духа и агрессивности.

– Нет, – с достоинством ответил Лорд Эйзя. – «Это» – он повернулся в сторону Любы, – произошло независимо от нас. Мы использовали «это» чтобы попасть сюда.

– А что «это»? – спросила Настя.

– Бледные бури, смещения пространств... Этому нет соответствующего слова. Такой момент. И место.

– Так мы.. Я же говорил, мы провалились! – воскликнул Сергей. – Да! Коридор между измерениями... Это даже школьники читали.

– Провалились? – вежливо поинтересовался лорд, – Не очень понимаю, каких школьников вы имеете в виду? И какие измерения. Их же много, – и снова посмотрел на Алекса.

Алекс безучастно пожал плечами.

– Допускаю, большинство из присутствующих не сталкивались с этими явлениями, и не путешествовали подобным образом, – продолжил лорд. – Но вы, Алекс, должны бы в этом разбираться.

– Кто такое сказал?

– Бабушка Дрю. Думаю этого достаточно, но ее слова подтвердил и Вехровный Жрец монастыря Гэ Дайнолакрин.

– Во как.., – удивился Алекс. – И... что они все сказали?

– Они точно указали нам это место. Оно известно давно и во многих краях мира. Много веков подряд продвинутые маги из этих мест, великие волшебники, во власти которых творить в пространстве путями Совершенных Деяний, строят тут свои дома. Полагаю, не нужно объяснять, какие дома строят такие личности, – лорд Эйзя показал взглядом вокруг.

– Нам были открыты точные направление и ориентиры, – дополнила королева Иллис. – Увы, у нас не было времени на расчет маршрута и подготовку. Мы узнали его, когда буря уже начиналась. Поэтому мы не могли полностью контролировать наш путь, и тех, кого встретим. В середине дороги пошел снег. Потом какой-то человек пытался прострелить Эйзе голову из оружия, которое называется у вас огнестрельным. А голова, как известно, в ваших краях имеет большее значение, чем некоторые другие части тела. Но нам улыбнулась удача. Мы вышли на след, который вел к этому дому, твердый и отчетливый, какой могла оставить только личность, имеющая силы идти сквозь пространство бури.

– Да, в это момент все встало на свои места, – кивнул лорд, – След шел не с нашей стороны, следовательно, это был след хозяина дома, дома, в который мы шли. Все ориентиры совпали, и вскоре мы вышли сюда. Нам оказали помощь, дали понять, что мы в безопасности, но.., – на лице Лорда Эйзы появилось некоторое удивление. – Мы не знаем, что скрывается за вашими речами. Возможно, у вас принят такой ритуал? Мы с ним не знакомы. Но, если в наших действиях не было ошибки, и мы пришли туда, куда хотели, вы должны понимать, откуда мы пришли.

В комнате повисло молчание.

Надо что-то делать, надо что-то делать, пульсировало в сознании у Насти. Она посмотрела на остальных. Как в каком-то фэнтези. Только написанном не по законам жанра. Точнее – совсем без каких-либо законов. Тогда, может быть – в машину и обратно в город? Но, даже если Воины Четвертого Короля – всего лишь пустая химера, как-то не очень хочется покидать теплый дом.

– М-да... – покачала головой Люба. – Но это какая-то чепуха. Знаете, – она посмотрела на Лорда Эйзю и Королеву Иллис, – но я, например, совершенно искренне ничего не понимаю.

– И я, – признался Иван. И, добавил. – Я вообще не понимаю, почему я сегодня остался жив. А может и не жив...

– Вы хотите сказать, что вы не люди? – спросила Настя.

Лицо королевы стало грустным.

– Не люди? – задумчиво произнесла она. – Понимаю, вы с этим не сталкивались. Но почему вы полагаете, что этого не может быть? Ваша жизнь здесь настолько определена и зафиксирована? Но, почему тогда это не допустить? Как предположение? Люди же способны допускать, верно? А вы настоящие нормальные люди. Если мы, конечно не ошибаемся. Ведь мы так долго не видели нормальных людей!

– Не видели... людей? – медленно, но с размахом удивился Сергей.

Лорд серьезно кивнул.

– Это все – правда. Я тоже, – признался Роман. – И, хотите знать, отчего? Нет, я серьезно... Хотите, я скажу? Вот прямо сейчас встану и расскажу, отчего я спился?!

– Расскажешь. Но потом, – мрачно успокоила его Люба.

– Потому что прямо сейчас мы будем пить чай, – как ни в чем не бывало дополнил Алекс.

И Настя поняла, чего она хотела сейчас больше всего. Она снова хотела пить. Горячий пахнувший летом и теплом чай. Большую-большую кружку.

– Что ж... прекрасно, – согласилась Иллис.

– С удовольствием, – поддержал Лорд Эйзя.

– Ага! Точно, это – дзен, – зачем-то сказал Сергей.

И пока все выясняли, что он имел в виду, чай был разлит. Именно такой, какой нужно. Настя помогла Любе достать печенье и кексы. Чайный запах смешался с запахом ванили и лимона, все потянулись за чашками.

– Если задуматься, все это можно объяснить по-разному, – рассуждала тем временем Люба, разглядывая большой кусок кекса в руке Алекса. – Можно, правда с трудом, предположить, что у нас сейчас другое состояние сознания. Тогда вокруг нас – другая реальность. Правда, в этом случае мы все друг для друга – миражи и галлюцинации. В общем, произошло нечто, и мы все сидим и галлюцинируем. Неважно по какой причине... Может быть, мы все на самом деле спим? И видим сны, быть может... А, возможно, и нет. Но..., – Люба смотрела, как Алекс, наложил на тарелку какого-то желе из фруктов и прицелился в него ложкой, – Но, что бы мы не предполагали, не думаю, что кто-либо из нас – волшебник, а этот дом... Он не летает, и у него нет куриных ног. Мне почему-то кажется, это самый обычный сруб.

– Он из мезенской лиственницы, – обиделся Алекс.

И в этот момент Настя вдруг поняла, что ему сейчас не удастся попробовать эти желе и кекс. Она еще не знала почему, но было ясно – он *не успеет*.

– Я же об этом и говорил! – снова начал о чем-то Сергей. – Говорил я, они промахнулись? Попали не в то время. Возможно, неправильно рассчитали мощность, – и он пустился в какие-то путанные объяснения. Которых Настя уже не слышала. Она смотрела, как Лорд Эйзя взглянул на Сергея, затем на Алекса. Медленно поднял голову, откинул волосы, выпрямился, поставил перед собой кружку и произнес.

– Тогда мы погибли.

Наступила тишина.

В этой тишине Алекс аккуратно отделил ложкой кусок кекса и положил на него желе.

Максим всхлипнул.

Остальные молчали.

А откуда-то со стороны поля слышался монотонный глухой гул. Который усиливался.словно к ним откуда-то из темноты приближался громадный неоднородный, но мощный поток. Вскоре в этом потоке послышалось нечто, напоминающее гул толпы: отдельные выкрики, свист, конский топот. Звуки, которые могли производить только много-много людей, животных и каких-то неведомых предметов. Приказы и восклицания, ржание лошадей и лай собак, деревянный грохот каких-то орудий. Все это росло и приближалось. Медленно, но неумолимо.

Алекс посмотрел на дверь. Что им дверь? Они ее выломают. И ничего не поможет: ни пистолет, ни автомат. Они сметут все это на своем пути, почти не утолив свою ненависть. И никто, и ничто не уцелеет. А этот вал, злобный и торжествующий, покатится дальше. Все дальше и дальше по черному, черному пространству.

Звякнула ложка. Еще несколько секунд, и они услышат хруст снега под множеством ног, их кровожадные крики.

Капитан Дук... и вы все. Семен... Давайте прощаться. Как это ужасно! Будет глухой удар в дверь, потом еще несколько. Затем еще – посильнее; и они ворвутся сюда...

Настя поняла что сейчас будет лучше зажмуриться, но ложка звякнула снова. Она открыла глаза. Алекс плотоядно почесал бороду и медленно положил приготовленное им сооружение из желе и кекса себе в рот.

– Уф-ф! – вырвалось у Насти. И она вспомнила, как ей хочется пить.

Все кончилось. Или прошла ее галлюцинация, или... или Алекс действительно волшебник.

Часть 2

1

Кто-то лежал ничком на небольшой поляне. Которая спускалась к воде. И в этой воде отражалась. Отчего, в получившейся картине настоящий и отраженный лес оказывались на ее краях, а поляна, на которой этот «кто-то» лежал, выглядела неким центром, из которого росли деревья. Росли вверх, к пасмурному осеннему небу, и вниз – в воду, в тот немного размытый колеблющийся мир, который отражала ее поверхность.

Но пошел дождь. И колеблющийся мир покрылся кружками от падающих капель, рассыпался на мелкие разрозненные блики и исчез. Как когда-нибудь исчезнет, если верить Платону, этот реальный – мокрый и холодный. Тот мир, в котором он, Алекс имел счастье или несчастье появиться и жить.

Это было давно. Тогда этот мир, был отчасти другим. Он состоял из вонючий комнаты в общежитии, скучных и не очень скучных лекций, разбавленного пива в забегаловке напротив института, портвейна на репетициях. И, притягивающих взгляд, линий женских тел. И музыки. Много-много музыки, без которой этот мир терял объемность и краски. И, может быть, смысл.

И был день, в который Алекс понял, что этому миру на него наплевать.

Вероятно, он долго смотрел на открывшуюся картину, поскольку куртка, волосы и джинсы на коленях стали мокрыми. Затем взялся за скользкие весла и начал медленно подгребать к берегу.

– Эй, дед, – проговорил он, вылезая из лодки, и подтягивая ее нос повыше в траву. Затем подошел и потряс лежащего за плечо. У него была необъяснимая уверенность, что тот жив.

– Эй, дед, поднимайся. Дождь идет.

Прошло какое-то время. Алекс повторил свои действия.

– Уже пришел...

Под седыми спутанными волосами появился глаз. Который смотрел откуда-то из космической дали. И, судя по всему, видел его, Алекса, грязные ботинки и забрызганные джинсы.

– Пришел..., – повторил старик и начал медленно подниматься.

А, поднявшись, долго пристально смотрел на Алекса, словно пытался найти в нем что-то знакомое.

– Где твоя лодка, дед?

Старик мотнул головой и посмотрел куда-то вдаль. Где между берегов, вода, ставшая снова зеркальной, уходила куда-то в туман.

Дождь кончился.

– Сперли? – предположил Алекс. – Садись в мою. Отвезу в деревню. Это остров.

Тогда ему не показалось странным, что старик все время молчал. И в лодке, и когда поднимались от причала, и когда вышли к полю. И то, что около причала действительно стояла лодка, притянутая к берегу могучей цепью, скрепленной замком. Тропинка была скользкой от раскисших листьев, а ботинки – промокшими. Они шли вдоль склона оврага, поросшего лесом. Иногда, тропинка спускалась вниз, к протекавшему там ручью, иногда поднималась выше и выходила в поле. Сейчас там темно и холодный ветер несет невидимый снег. А тогда во влажном воздухе покорно стояли голые деревья, темнели ели. И, следуя за стариком, Алекс почему-то думал, что скоро зима. И что в кармане у него полная бутылка вермута. Он переночует у этого деда, выпится, искупается в утренней осенней воде и поедет обратно.

И, возможно, там, завтра – все будет не так плохо. Милиция найдет украденную у их группы аппаратуру, и ребята перестанут ныть. Тогда он сможет вернуть деньги этому бандиту Валерику. А в деканате, возможно, найдется кто-нибудь вменяемый, и приказ об его отчислении не будет подписан. И тогда все станет настолько замечательно, что Ленка станет нормально реагировать на его звонки...

Почему он стал думать, что все пропало? Ничего ужасного еще не случилось. А если и случится... Решить ужасно этот или нет, может только он сам. Нужно просто осознать ситуацию, и понять, что следует делать. И действовать. Смотя на все это немного со стороны, словно это не он, Алекс, а некто очень умный и мудрый, который просто очень любит ту совокупность тела души и духа, которая называется Александр Бродбаум. А эти проблемы... – просто ситуация. Это тот самый, так любимый им мир. Который всего лишь живет по своим законам: волк задирает зайца, вор – ворует, а советский ВУЗ отчисляет такого студента с такой фамилией как у него. Все нормально. Такова природа этих явлений. И нужно действовать, а не дуться на эту природу. Вот только сегодня он чуть-чуть отдохнет...

Кретин... Он шел, булькая неудобной бутылкой в кармане, и ни о чем не подозревал. И потом не помнил многие годы. И даже догадавшись и вспомнив, предпочитал не думать об этом. Не думать совсем. Как, пройдя через ельник, старик остановился, и с видом человека, завершающего какую-то очень важную и сложную работу, выдохнул «Вот!»

И простер руку.

Сущее зыбко и ненадежно. Старик, который простер руку и сказал «Вот!» давно мертв, юноша, во все глаза смотревший, куда он ее простер, метаморфизировал в заурядного и скучного предпринимателя, а дом, про который и было сказано «Вот!» – небольшой, но удивительно красивый и сказочный дом – сожгли какие-то балбесы. Но, может быть, самое удивительное в этом постоянно уничтожающим самого себя мире, это то, что все происходит не зря. И через многие годы выяснится, что тот дед не зря простер руку, и его «Вот!» не кануло в Лету. Ибо нечто незримое, но очень важное, что существовало и в том доме, и в старике, – оно не исчезло. Оно – есть. Есть, другой дом, который построил на этом месте Алекс, есть картина, которую написал тот дед, и которая теперь снова висит на стене этого дома. В конце концов, есть он сам, иногда живущий в этом доме, и в этих местах. Который многие годы делал вид, что ничего этого не было, но это, как выяснилось, ничего не меняет.

Облако пара, возникшее перед лицом Алекса, отлетело вверх и растаяло. Впереди было темно. И, каждому, кто будет пристально вглядываться в эту темноту, будет казаться, что мрак наступает. Тысячами черных лиц в остроконечных шлемах, тысячами непробиваемых щитов, тысячами длинных и прочных копий.

Почему он это делает?

Алекс вынул концы палок из снега и начал медленно двигаться вперед. Чувствуя, как вокруг него сжимается темное морозное пространство. Тогда он представил себя большим. Очень большим. Всем тем, что было вокруг него. Поляной, которая ждала его за той большой елью, полем, сереющим вдоль оврага, большой заснеженной гладью водохранилища, которое там, за лесом. И, не отрывая внимания от всего этого, плавно пошел дальше.

.... Двигаясь прочь от дома сквозь голубые пространства полян, и темные стены деревьев

Примерно через пятнадцать минут он остановился. Темневший впереди лес спускался к водохранилищу. Сзади бледнело поле. И за ним, где-то на краю леса мерцал огонек. Фонарь на его крыльце. Крыльце дома, в котором теперь все уже по-видимому спят.

– Вот и славно, – проговорил Алекс темным деревьям впереди. И тронулся дальше. – Только бы их ничто не разбудило.

– А ты, правда, не спишь?

Казалось, что вокруг нее кто-то говорил. В странном пространстве, где нет ни верха, ни низа, ни глубины. Вообще нет расстояний. И, может быть, времени. Только голоса, о которых знаешь лишь то, что они есть.

– Ты не спишь? – вот этот – принадлежал женщине, которая знала, что она красива.

– Как бы да, – глухо ответил мужчина.

– Я как бы тоже.

Голоса немного отступили, и вокруг появились цвета. Или то, что казалось цветами.

– Как ты думаешь, что это?

– Я не знаю. Но думаю – лучше, чем ничего.

– Возможно... Я... так давно не видела тебя.

– А я тебя.

– И... я не знала, что так соскучилась по тебе.

– И я! А давай.. пойдём, чего-нибудь выпьем?...

Мария Петровна медленно, стараясь не потревожить поясницу, поднялась с кровати и провела руками по лицу. Чужие сны... Или звуковые фокусы этого дома? И опять в этом месте. Стараясь не разбудить спящего рядом Максима, она накинула пальто и вышла из комнаты. Странно, что этот Алекс построил дом именно здесь. Немного скрипящий пол, деревянные стены. Планировка, которую никак не запомнишь. Кажется там была кухня, а теперь? Куда как проще – в поселке, рядом с дорогой. Где все есть: и свет, и вода и газ. И как разрешили? Странно. А ведь этот дом удивительно похож на тот...

– Привет!

– Привет.

В коридоре стояли Семен и Настя и смотрели друг на друга.

– Ну.. и как у тебя дела?

– Ничего... А у тебя?

– Да так как-то... Точнее – никак.

– Это плохо.

– Ты теперь во Франции?

– Да. Больше время.

– Ну.. и как тебе там?

– Ничего. А ты сам не думаешь куда-нибудь поехать?....

Мария Петровна вздохнула и прошла мимо них. Они ее не заметили... Глупые. Она не знает, что сдерживает этих ребят, но знает, что это – не причина.

А они не знают.

Бог придумал ей такое наказание: всю оставшуюся жизнь видеть, как люди губят то, что нельзя губить никогда. Сколько раз она видела, как все это происходит? Достаточно, что бы понять, это – ужасно. Настолько ужасно, что несравнимо лучше совершить преступление перед другими людьми, перед законом, и даже перед государством, чем не дать проявиться этому. Ибо это – от бога.

А ей поделом. Снова видеть и чувствовать себя бессильной что-либо сделать. Но самое неприятное, что все это – здесь. Почему? Для самой Марии Петровны уже ничего не изменится. Она прожила все эти годы и жива до сих пор. Ее не арестовали, не судили, не расстреляли и не отправили в лагерь. Ну и что? Господи, прости эту дуру. Ты не прости ту, молодую, с красивым телом и горящими глазами. Которая медленно превратилась в ту, кем она является сейчас. И которая теперь уже точно скоро умрет. Только на этот раз зря.

Зря... Разве это не наказание? Если бы она тогда представляла, какими глупыми окажутся эти годы!

– Я хочу всегда видеть тебя, – когда-то сказал он. Сидя у полуразвалившейся чадающей печки и глядя не нее глазами, которые тогда казались ей старыми и мудрыми. Сколько же ему тогда было? Лет сорок? Пятьдесят? Совсем немного...

– Я хочу всегда видеть, как ты опускаешь глаза, поворачиваешь голову, улыбаешься.

– Я хочу видеть, как раскрываются твои губы, слышать, как звучит твой голос. Когда я вижу тебя, во мне все улыбается...

– Правда? – зачем-то спросила она тогда.

И он кивнул.

– Ты такое хорошее и светлое явление... Ты такая, что мир должен быть для тебя чем-то вроде объятия. Такого громадного и нежного. В котором тебе очень хорошо...

– Правда?..

Тогда это было правдой. Теперь она знает. Он видел в ней то, что потом не видел никто. А она видела, это в нем. Только ей казалось, что так еще будет, а он знал, что это бывает только один раз.

Мария Петровна повернула обратно. Большой коридор. В таком небольшом доме...

На кухне стоял Семен и, глядя куда-то сквозь нее, курил. Один. Ну что ж...

Все остальные, кажется, уже спали.

Она вошла в комнату, сложила пальто на стул и легла. Будет странная ночь. Им что-то приснится. Может быть, во сне они будут вдвоем и что-то поймут.

А ты, дура, если....

И Мария Петровна повернулась на бок и закрыла глаза.

Нью-Йорк.

Подъезд старого дома. Лифт. В котором заклинивает кнопку вызова на пятом этаже. Она не удивилась, что и в этот раз кабина, опустившись и щелкнув контактами реле, вновь поплыла вверх. Сейчас те, кто внутри, засуетятся, нажмут на «Stop» или просто что-то воскликнут. Нет, тихо. Кабина встает где-то в районе третьего этажа, затем снова плывет вверх. И замирает.

Все так и есть. Наверное, это старый Лопес забыл про плохую кнопку. Старику за восемьдесят, можно забыть и что-то поважнее. Поэтому, придется пешком. Она вздохнула, закинула рюкзак на одно плечо и медленно пошла вверх. Длинными серыми пролетами. Мимо пыльных, почти как в Союзе окон, через которые так тоскливо смотреть на мир. Мимо противных дешевых запахов, доносящихся из углов, мимо дверей, вызывавших воспоминания о старых фильмах с актерами в светлых немного мятых плащах и в шляпах с широкими полями. Мимо разбитого окна на втором этаже, свежей краски, ручек, звонков...

Так и есть, кабина была на четвертом этаже. Надо бы совсем вытащить эту идиотскую кнопку. За что берут деньги? Вот увижу снова хозяина....

Она крутанула вниз холодную металлическую ручку и открыла дверь лифта. Затем долго, очень долго, наверное целую вечность смотрела на то, что лежало на полу кабины. Словно никак не могла сообразить, что это – человек. Но уже мертвый. Могла бы понять сразу... Красный цвет, мясо. Чувство, что капли крови попали на одежду и их хочется стряхнуть.

Он лежал, привалившись спиной к стене и некрасиво раскинув ноги. У покойника были ужасно разворочены грудь и плечо. Какой-то мужчина... Она смотрела на куски легких, обломки костей и пропитанную кровью одежду, испытывая безмерное удивление. Словно

это не она, а тот человек видел себя мертвым. Ужасаясь и содрогаясь. Как глупо! Разве он хотел, чтобы так! За что?

Ведь он не успел, не сказал и не сделал... А это – так страшно.

Кровь с грязного пола кабины стала капать вниз, в шахту. Рука, словно чужая, захлопнула дверь. Грохот замка показался оглушительным. На двери была аккуратно выведена цифра «4». В этом лифте всегда заклинивало кнопку вызова на четвертом этаже....

Серое небо где-то за окном. Нью-Йорк.

А ему теперь придется жить заново.

Убийца, кажется, совсем не волновался. Только отметил, что шелест одежд проходящих по вестибюлю людей немного возбуждает.

У него были четкие инструкции. Предельно четкие, потому что те, кто дал ему эти инструкции предусмотрел даже самое нелепое, что он переволнуется, испугается. Зачем? Болваны, перестраховщики. Похоже на то, что они не догадываются, с кем имеют дело. Или это их метод?

А пошли они...

Вестибюль. Подвесные потолки, вмонтированные в них дорогие светильники. Эксклюзивный дизайн. Стекло и бетон. А он спокоен – он ждет. Может быть в этом – главный секрет. Даже тот хитрый парень в очках, который давал инструкции, не знает, как это важно – уметь ждать. Спокойно стоять (или сидеть, лежать, ехать ...) и ждать. И не делать вид, что ты спокоен, а именно, быть спокойным.

Но он знает. Мышцы расслаблены, внимание обострено, эмоций нет. Все отрепетировано, все предусмотрено. А если и не предусмотрено.... Если бы они знали, насколько глубоко он входит в роль.

Тот парень с черным кейсом напрягся. Дурак. Разве так можно? Но – в жопу; это значит, сейчас будет знак. Точно. Парень ставит свой кейс на пол. Убедительно ставит. Идиот, неужели он думает... Ладно, теперь раз, два, три, ..., десять, одиннадцать. Вот он и пошел. Спокойно, даже расслаблено. Словно после тяжелых переговоров. И к себе в номер. В такой-то гостинице...

Лифт. Да, все очень правдоподобно. Те, кто это разрабатывал, все же неглупые люди. Он подошел первым и ему даже не нужно оборачиваться. Он и так знает, – один, два, три, – точно, шаги! – что это человек встанет позади него. Он все знает: во что тот одет, какие у него движения, какое выражение лица. Очень умного лица.. Но каким умным не будешь, всего не рассчитаешь. Намного спокойнее – выполнять инструкции. Один, два, три, сейчас откроется... Самое главное, что бы те, кто инструктировал, были уверены, он – робот. Что бы не произошло. Только тогда будешь жив. А он, к тому же еще и умный робот. И никто кроме него не знает, сколько раз этот ум сохранял ему жизнь.

В этом теле.

Двери открылись.

Да в этом теле. Оно сильное и точное. Оно повинуетя ему до мельчайших нюансов. Иначе смог бы он вот так же вот естественно нажать кнопку и посмотреться в зеркало?

Все рассчитано. Двенадцатый этаж – сейчас там ремонт. И ребята перекрыли коридоры. На всякий случай, чтобы не было лишних. Он спокойно выйдет, и лифт пойдет без него. И в нем уже не будет живых.

Объект, то есть, этот человек стоит сбоку. Краем глаза видно его отражение в зеркале. Твидовый пиджак, зеленая водолазка. Есть люди, которым очень идут водолазки. Такие спортсмены, альпинисты. Нужно расстегнуть пиджак, достать расческу. Все правильно.

Теперь причесать волосы. По настоящему; уложить вон тот хохолок – специально ведь делал. Совсем не нервничать, этот человек никак не может знать, что в кармане, куда он будет класть расческу, лежит небольшой, но мощный пистолет. Не нужно будет даже поворачиваться.

– Ты думаешь, – голос, прозвучавший среди тихого гудения лифта, внезапно ударил его куда-то вниз позвоночника и пригвоздил к месту. – Ты думаешь, мне следует перестать жить?

Человек, стоявший позади него, пристально смотрел ему в глаза. Или это отражение?

Один, два, три. Ну же, опускай руку! Проклятая расческа... Еще мгновение и он отклониться от расчетного времени. И это будет означать конец. Как этот тип догадался?! Как он все понял? «Следует перестать жить...». И зачем он оборачивается и смотрит в его глаза? В которых написано, что это – все. Ничего не получится. И немного понимания, немного удивления и интерес. Даже сочувствие. Господи...

Человек в водолазке вплотную приблизился к нему. Так близко! Он знает, он видел – люди бояться смерти. И люди чувствуют смерть. Если не сами люди, то что-то в них, их тела. И эти тела пытаются уйти от убийцы. Иначе не бывает. Тогда почему?...

– Ты поверил, что так можно, а это – неправда, – тихо проговорил человек в водолазке и нажал на кнопку аварийной остановки.

Не может быть! Все пропало. Этот черт заранее знал... Что же делать? Сволочи. Особенно тот хитрый, в очках. Послали его к этому гипнотизеру. А нужно предупреждать...

– Все совсем, совсем по-другому, – голос человека был где-то далеко-далеко. И как бы сверху. – Боишься потерять. А страшно другое. Страшно набрать слишком много. Слишком много беды.

Страшно! Как он это сразу не понял? Идиот, он видел, как умирают, но не понял. А теперь? Бежать, скрыться... Или куда-нибудь назад? Или...?

Лифт открылся. Свобода! Коридор. В нем никого нет, только двери. Красивые медные таблички. Что ты хочешь, – пять звезд. В вестибюле стоит парень в длинном плаще и смотрит на лестницу. Какой это этаж? Одиннадцатый? Сволочи... Они все понимали?

Конечно. На что же они надеялись? Ведь тот человек предусмотрел даже это.

– Пф-ф-ок!

Здорово. Парень в плаще даже не понял, почему у него подогнулись колени, и стена поплыла куда-то вбок. Теперь вниз!

Лестница. Зачем? Они же не дураки. И они не простят. Они не прощают.

Он остановился. Небольшая дверь вела на балкон. Противопожарный...

А он влип.

Полуденный свет. Так ярко!

Почему-то вспомнился сон, как он хотел перепрыгнуть через лужу, но что-то подхватило и стало отталкивать его от земли. И он полетел. Все дальше и дальше. Земля крутым склоном ушла куда-то вниз и вот до нее уже далеко-далеко. И кружится голова, и внутри все обрывается. Потому, что знаешь, земля внизу жесткая и беспощадная. Но пока он летит. И что-то продолжает нести его все дальше и дальше.

А внизу какие-то маленькие люди, крыши машин и мокрый асфальт. Глупцы. И, кажется, тот неглупый в очках. Который знал, это. Знал, что он всегда выполняет инструкции до конца.

Мама.....!

Собака. Небольшая черная лохматая дворняга с белой грудкой и стоячими ушками. Она была симпатичной и дружелюбной.

Он с мамой встретил ее в лесу, а возможно и раньше. Странном лесу – то ли осеннем, то ли весеннем. Черные и коричневые ветви низкорослых деревьев, редкие кусты, голая земля, золотистая и серая трава на небольших полянах. Спуск вниз. Холмы, долина небольшой речки. Мама, как всегда решительно, вела его куда-то через эти места. Она знала куда.

А он – нет. Но ему было хорошо от того, что собака пошла с ними. С ней было намного лучше. Может быть потому, что, на самом деле, он не хотел никуда идти? А она бежала рядом и виляла хвостом, нюхала ветер своим влажным черным носиком. Такая тонкая, добрая и решительная сущность. Она старательно охраняла их, только потому, что хотела их охранять; бежала впереди, вынюхивала что-то под ближайшими елками. Оказывается это так здорово, когда рядом собака.

А потом они повстречали того, черного, в прямоугольной шляпе, которая тоже была черной. С самого начала. И он был опасен. Черный стоял среди тонких темно-золотистых стволов и преграждал им путь. Собака нерешительно гавкнула. Но они извинились, надели на собаку ошейник, пристегнули поводок и отдали ее этому человеку.

А сами пошли дальше. И в душе у него еще теплилась надежда, что ничего не случится. Пока он не услышал ее крик, зовущий на помощь. Именно крик, а не вой. Но он не обернулся. Что оказалось ненужным: он все равно видел, как этот черный человек убивает его собаку. Привязав к деревьям за две тонкие черные нити и медленно протыкая чем-то острым ее беззащитное тельце.

И ее еще можно было спасти.

– Какой ужас, – сказала мама. – Так нельзя. Мы должны вернуться.

Он понимал это. Вернуться, заслонить, взять на руки и сказать тому в черном: «Как не стыдно!»

Но он не ответил. Вместо этого он крепче взял мамину руку и потянул, повлек ее прочь. Испытывая нечто вроде злорадства и какой-то садистской радости, и просто страх. Мелкий, ничтожный и гадкий страх. А вдруг тот черный пошлет его куда подальше? И презрительно подумает о нем что-то? И одновременно с этим – горечь, страшная горечь необратимости того, что он совершает.

А собака еще на что-то надеялась и кричала. Она не могла поверить. И в ее крике были удивление и боль: «Что же ты не слышишь?...» Но с каждым шагом, сделанным прочь, его силы непонятным образом прибывали. И теперь уже он властно влек маму куда-то вперед, все дальше через голый низкорослый лес. Дальше от этого крика, от непонимающих собачьих глаз, от самого себя, ставшим за эти мгновения тем, кем невозможно себя осознавать. И чувствовал, что, несмотря на движение, его тело окутывается каким-то темным скафандром, который ему не снять за многие-многие жизни.

Ужасно...

Семен смотрел темноту и понимал что плачет. Слезы вытекали из его глаз и медленно скатывались куда-то по виску, только чувство вины и собственной гадкости от этого не уменьшалось.

Зато наваливалась мощная волна тревоги и безысходности. Что же теперь? Нужно быть мужественным. Ты слишком много всего натворил, а теперь выбрал легкий путь и напрасную жизнь. Но твою вину на себя никто не возьмет.

– Прости меня, собака, – пошептал Семен, – Прости, что ничего уже нельзя сделать.

И понял, как это будет страшно – снова закрыть глаза.

Лорд Эйза вошел в большую комнату. В темноте кто-то всхлипывал из глубины своего сна. В печи тлели угли. Тусклое пламя свечи, горящей в передней, отчего-то покачивалась. А на улице, за толстой деревянной дверью, кто-то стоял.

– Послушай, – обратился он к Королеве Иллис, которая тоже что-то почувствовала и даже поднялась из кресла.

Она только что отправила спать Максима. Бедный маленький человек проснулся один в пустой чужой комнате. Наверное, бродил по полутемному полуспящему дому, пытался вспомнить, где он, и что произошло. И в конце своих странствий забрел сюда.

– Здравствуйте, – проговорил тогда он, оказавшись рядом с ней. – Как здесь странно... И все вокруг... такое большое!

– Это все сны, – ответила тогда Иллис. – Они как звезды на небе. Звезды есть всегда, но мы можем видеть их только когда темно. Так же и сны. Они окружают нас все время, но мы видим их лишь тогда, когда засыпаем и не смотрим, не слушаем, не думаем. Вот и сейчас, когда ты меня слушаешь, происходит какой-то сон, и, поверь, не один – там, в мире снов, свои законы, свое время. Но ты не обращаешь на него внимание, потому что слушаешь меня.

– А ты... то есть вы, вы всегда видите свой сон?

– Почти всегда.

– И что вам сейчас снится?

– Это сложно рассказать, – ответила она. – Сны нужно видеть самому. Мне сейчас снится, что все будет в порядке.

– Да? Это точно?

– Точно. Пойдем, я провожу тебя в комнату.

По пути она внимательно заглядывала в окна. Окна почему-то внушали ей опасения. За стенами дома происходило что-то страшное. Королева Иллис видела много страшного и немного научилась чувствовать, откуда оно угрожает. Да, опасность может проникнуть сюда только через окна. Если, конечно, в них долго смотреть. И если у нее, у опасности хватит силы войти в *этот* дом. А это маловероятно.

– Ну вот, спи, – проговорила она, накрывая Максима одеялом. – Твои сны должны быть просто замечательными. Нужно только лечь поудобнее и не думать об опасности. И вот, когда ты перестанешь думать об опасности, ты вдруг увидишь... И это будет сон.

Максим быстро уснул.

Он спал, а она еще долго сидела около него и улыбалась. Потому что когда-нибудь у нее тоже будут дети, и она расскажет им о том, как нужно смотреть сны. И еще о многом, многом интересном. Она наговорит в них столько, что они будут славными и сильными. Она будет говорить, говорить, говорить. Как когда-то говорили ей. И каждое вовремя сказанное слово станет частью человека.

А затем вернулась и снова села у печи, потому что самой ей спать не хотелось. Какие здесь странные ночи, успела подумать она... И поняла, что к дому кто-то приближается.

– Это не Алекс, – проговорил Лорд, который по-прежнему стоял у печи, – Но и не те двое. Это кто-то, кто стоит между ними.

– Не Алекс? – спросила Настя, стоящая в дверях комнаты. – А он что, куда-то ушел?

2

Ночь. Луна. Снег.

Небольшие снежинки, безмолвно падающие в темноте, каждая из которых – неповторимое сложное сплетение тончайших ледяных нитей. Самые элементарные формы в которых материализуется зима, и столь неожиданные. И, стоит им появиться, и все вокруг: поля деревья, дороги – как хорошие актеры, начинают играть ее спектакль.

Зима – время, когда небо опускается на землю, и та становится кристально чистой, как одежды святого. А снег – открытые объятия неба, привносящие странную, возвышенную красоту, которая тем, кто живет грязными страстями этого мира, кажется холодной и бесстрастной. И они, убогие, прячутся от зимы в своих городах, не понимая, что нужно впустить это в себя и согреть. Ибо со снегом космос приносит в этот мир то, чего еще не существовало: новый год, новые мысли, новые потери и новые возможности. Чего еще не было за миллионы лет развития. И весной из-под этого снега появиться уже немного другая земля.

Зима... А он, кретин, не взял с собой ничего поехать. Кто знает, как все обернется.

Алекс остановился. Перед ним лежало большое, освещенное луной поле замерзшего водохранилища, за которым темнел лес. До него не меньше километра, и там, немного правее – турбаза. Если, конечно, это на самом деле водохранилище, и на нем теперь может находиться такое заведение. Кстати, в этом заведении, может быть, еще работает буфет...

А если это так, когда он вернется? И куда попадет?

Алекс провел мысленную лыжню через водохранилище. Заскрипел снег. В некоторых местах выступал лед, и лыжи сухо шуршали по нему. Все будет нормально, потому что он знает, как нужно. Кажется, знает.

Вот только не знает, что произошло.

Лунный свет перекрыло снежное облако, но дело было не в этом. Лесник заметил точно, тревога и страх каким-то образом зависели от пространства. Пространства... А здесь – большое пространство. Маленький, маленький человек на большом снежном поле. Совсем как та темная точка впереди, именно от нее почему-то исходит скорбь. Что-то страшное?

Алекс ускорил ход. Труп? Глупости. Но очень похоже: там нога, там – голова. И удивление – этого не может быть! Так отмечена граница? А если это граница и для него? Алекс замедлил ход. От того темного места исходил ужас, который поднимался вверх и расплывался в стороны. Может, не подходить? Но Алекс все шел. Ближе, ближе, ближе...

На том, кто лежал перед ним, было дорогое темное пальто. Холодное лицо, снег в глазницах. Он шел туда же, куда и Алекс. Но не дошел. Аккуратная прическа, дорогая меховая шапка, зажатая в руке, большие окоченевшие пальцы. Кем он был? Почему мертв?

Алекс присел рядом, зачем-то коснулся его руки в том месте, где должен прощупываться пульс. Не ужели не ясно...? – успел подумать он, и в этот момент труп зазвенел. Длинной холодной трелью. Алекс откинул полу пальто, расстегнул пиджак и отстегнул от его пояса сотовый телефон.

– Але, – чей-то знакомый ровный голос пытался перекрыть шумы и хрипы – Але...

– Кто вам нужен? – зачем-то спросил Алекс и треск ослаб.

Пропала связь? – успел подумать он, но в этот момент голос на другом конце телефонного канала уверенно и чисто ударил:

– Ты!

– Вряд ли я..., – начал Алекс, но голос бесстрастно продолжил:

– Тебе просили передать. Их не осталось.

– Не осталось чего?

– Возможностей.

– Возможностей? Почему?

– Вы их использовали, – ответил голос. И уточнил, – Все.

Алекс опустил трубку, в которой слышались короткие гудки. Возникло чувство, что лед водохранилища под ним начинает медленно вращаться. Алекс остановил его и вдруг понял, что лучше не смотреть назад. Совсем. Ни секунды.

Откуда-то дунул ветер, летящие снежинки начали колотить лицо. Наверное, именно так сходят с ума. На экране телефона появился сигнал разрядки батареи. А если тот человек позвонит еще? Человек?..

Или это, правда, конец? – подумал Алекс. Сначала глюки, расширение сознания, затем, по-видимому, спазм, удушье. Как при передозировке. Но нет, глупости – этот парень отошел от чего-то еще. Кроме того, он, Алекс, ничего такого не ел и не вдыхал.

Не вдыхал? Тогда в чем дело? Алекс поднял лыжу, чтобы развернуться и словно натолкнулся на невидимую стену. В грудь ударил страх и чувство полной неудачи. Неужели...?

Именно такой он и представлял смерть. Дзинь-нь-нь-нь..., – и он теперь состоит только из собственной жизни. Некий сгусток событий, впечатлений, импульсов, поступков, скованных временем. Которое завершилось. И сгусток застыл. И его созерцание вызывает заполняющее все существо жалость и скорбь, потому что с ним, с этим сгустком, уже ничего не случится.

Все. Он уйдет на ту сторону и у него больше не будет тела: рук, ног, языка, глаз. Он станет беспомощным, совсем как тогда, когда пришел в этот мир. И уже ничего нельзя будет исправить – его повлекут длинным светящимся коридором, летя в котором он будет только воспринимать.

Вот так. Оказывается, люди хотят жить совсем не потому, что это легко или хорошо. Просто только так они могут что-то исправить. А он уже не успеет. И даже знает, как все кончится.

Алекс положил телефон за пазуху, где его батарейки могли согреться, взял палки и сжал кисти рук. Под лыжами хрустнул снег. Сейчас он еще посередине. А там, в его доме, ребята. Что-то еще можно успеть. Можно пойти вдоль берега, найти остров, подняться на то место, где еще может быть связь. И попробовать. А потом он обернется и посмотрит в глаза этой тьме. Без гнева, отчаянья и страха. Спокойно, как равный. И прорвется. Он выйдет за границы этих жестких условий. Ему хватит духу разбить стену, собрать самого себя и кинуть вперед. И, может быть, исправить что-то еще.

– Что?

Алекс остановился. Он был в большой комнате, сквозь огромные арочные окна которой задувал ветер и нес мелкий снег. А где-то в глубине анфилады, уходящей в темноту, кто-то отчаянно кричал, чтобы он не ходил дальше.

– Лед – ужасная вещь. Сначала появляются плавающие ледяные горы, затем – отдельные льдины. Их с каждым днем все больше и больше, а в один прекрасный день они смыкаются и образуют гигантские ледяные поля, вдоль которых можно идти многие десятки миль, не находя их края. Обход таких полей здорово сбивает с маршрута. Вы сворачиваете с намеченного курса и идете совсем не там, где предполагали идти, но это еще полбеды. Когда вы пройдете в обход несколько часов, дозорный внезапно закричит, что видит по противоположному борту точно такое же ледяное поле. Это плохой знак. Он говорит, что вы входите в проход. Который постепенно сужается. Сначала до нескольких миль, потом до одной мили, и вот корабль начинает цепляться бортами за его края, все чаще останавливается и в одну

холодную тихую ночь встает навсегда. Ему больше не сдвинуться. Пройдет несколько часов или несколько дней, ледовые челюсти сожмут его, и он пойдет ко дну, – одноглазый человек в красивом камзоле и ботинках с большими блестящими пряжками взял кружку с горячим чаем и с удовольствием отпил из нее.

– Да! – зачем-то кивнул Иван и понял, что сидит на кресле около журнального столика с точно такой же кружкой.

Иван огляделся. Стол, печь, комната, люди, с дымящимися напитками, их задумчивые позы, запах тепла. Все обыденно, кроме этих странных людей в странных одеждах, и непонятных ощущений. И еще – чувство, что он видит римэйк какого-то фильма, и ни как не может вспомнить, чем тот должен закончиться. В голове периодически всплывают смутные знания каких-то сюжетных ходов, которые несут предчувствие трагедии и сильную грусть, но каждый раз что-то происходит, и уже почти вспомнившийся сюжет рассыпается – все оказывалось не так. Эффектней, сильнее, более неожиданно. Как сейчас, когда он отчетливо пережил картину холодной безысходности и обреченности, и вдруг до него дошло, что этот капитан жив и, по-видимому, неплохо себя чувствует.

Капитан... Откуда капитан? Иван посмотрел на кружку в своей руке и понял, что не спит. Кружка дернулась, и немного горячей жидкости пролилось на брюки. Да, он не спит и не спит уже почти четверть часа. Потому что именно четверть часа назад его разбудил грохот и страшный вопль.

– А-А-А-А-А! Пустите! А-А-А-А! Пустите! – отчаянно орал кто-то и дубасил в дверь.

Иван почти не раскрыл глаз, не встал и даже не испугался. Просыпаться было запрещено.

Но где-то зажегся свет. Странный гость Алекса, которого все называли не иначе как Лорд Эйзя, спокойно прошел сквозь Иванов сон куда-то в переднюю, и сон пропал. А в сознание вломились темнота и грохот каких-то деревянных предметов, падающих на пол.

– Вот ведь как оно бывает, – послышался голос Марии Петровны. – Несчастье, несчастье-то какое...

– Алекс – разгильдяй, – заворчал Семен. – Что у него за чудо электричеством?

И тут, наплевав на все запреты, на Ивана навалился страх. Как в детстве или в кошмарном сне, когда ужас вызывают совсем не ужасные ассоциации и появляется предвиденье непостижимой умом катастрофы. Которая чувствовалась все ближе.

Где-то рядом появился слабый желтый свет. Свет быстро проявил комнату стол, печь, и у противоположной двери появилась Настя с зажженной свечой.

– А-А-А-А! Пустите! Пустите быстрее! – страшный человек снаружи возобновил попытки вломиться в дом и начал мощно долбить чем-то в дверь. – Пустите, я знаю, что вы здесь! Зря свет потушили, я все равно знаю! А-А-А-А!

Свеча в Настиной руке дрогнула, и по стенам заплясали странные тени.

– Родик..., – тихо проговорила Мария Петровна. – Родик это..., и вдруг закричала, – Это же Родик! Пустите его, пустите!

– Хорошо, – пожал плечами Лорд Эйзя и открыл дверь.

Шатаясь, вошел Родик. Как Иван и ожидал, это был крепкий располневший мужик. Заиндевшая одежда, злой непонимающий взгляд, в котором отчаяние.

– Все, больше не могу! Нате, убивайте, бандюги хуевы! – выплеснулось из мужика, и он обессилено сел на лавку.

Иван посмотрел на поникшую и обреченную фигуру Родика, внимательного Лорда, Сергея для безопасности прихватившего с собой обломок трубы, Марию Петровну целенаправленно осматривающуюся по сторонам, и вдруг понял, что все оказалось неизмеримо лучше.

– Простите, но я бы ему водки налил, – предложил он тогда, удивляясь, что уже может говорить.

Все засуеилось.

Мария Петровна подбежала к Родiku и начала снимать с него ботинки.

– Ноги... Ноги – это главное! Главное – ноги чтобы не отморозил! – причитала она.

Сергей кинулся закрывать дверь, Семен уже наливал что-то в стакан, а из коридора появился Максим и закричал:

– Дядя Родик приехал! И дядя Родик – тоже! Как Дед Мороз...

Все снова собирались в большой комнате, где расположился было спать Иван. Рядом с ним села Настя и подперла руками подбородок. Иван почему-то знал, что ей тревожно. Она надеялась, что вернулся Алекс. Выходит, этот тип куда-то слинял?

– Не расстраивайся, – промямлил Иван, – Он не мог вернуться так скоро.

Настя удивленно обернулась к Ивану и кивнула.

– И не волнуйся. Этот мужик, кажется свой.

– Свой, – кивнула Настя. – Я его где-то видела. Но как ты понял? Ты действительно догадался или...?

– Люди! – заорал в это момент Родик. – Люди, блин! Нормальные люди, оказывается! – и в этом крике было столько искренней радости, что все заулыбались.

– Молодец, а мы тут уже начали сомневаться..., – прокомментировал Семен.

– Кажется, Алекс не очень-то был рад меня видеть, – вздохнула Настя. – А куда? Куда он ушел?

Иван попытался вспомнить. Может быть, кто-нибудь ему об этом говорил?

– Он ушел в пансионат, – вдруг осенило его. – Звонить кому-то... А что? Вообще-то давно надо было.

– Звонить?... Да, да, телефоны же не работают. И мы с Любой не успели подключиться. Но, слушай, Вань, там же эти бандиты?

– Что ты, как он с ними встетиться?

– Конечно, – тихо подтвердила Королева Иллис из своего кресла. – Он же не будет этого делать, да?

– Не будет..., – грустно улыбнулась Настя, – Хотелось бы в это верить.

– Нас предупреждали, что здесь очень густо и тяжело, – Королева посмотрела на нее умным холодным взглядом, в котором, как это ни странно, Иван тогда почувствовал столько мягкости и доброты, что захотел отвернуться. – Но... принцип везде один.

Семен, Сергей и Мария Петровна суеились вокруг Родика.

– Надо же! И машину нашли! – радостно всхлипывал тот, – Я уж не думал... Такая машина... Классная, заводиться всегда... А тут люди! Настоящие люди! – его лицо стало все более красным, дыхание – спокойным.

– А вы... понимаете без слов? – спросил Иван Королеву Иллис.

– К сожалению, не всегда, – ответила она. – Так же как и вы.

– Хы-ы-ы-ы..., я ушел от них! – радовался тем временем чему-то своему Родик, – Я ушел, хы-ы-ы-ы... Но он., послушайте, понимаете... Понимаете, – его лицо вдруг стало серьезным, и он, с видом человека, сделавшего открытие, закончил, – Значит, это они охотились не за мной!

– Кто? – напрягся Сергей.

– Кто.. да много кто! Блин... в лесу куча призраков! Ночью, да? Вы мне верите? Вот ты меня знаешь, ты мне веришь? – Родион тяжело уставился на Сергея. – Можешь не верить, мне по фигу. Я сам... Нет, ну в натуре, призраки, странные такие, притаились, выглядывают. Или наоборот – чешут куда-то, а я, понимаете, никак не могу их разглядеть. Сначала они стремились в одну сторону, как бы к атаке готовились, затем в другую... Злые такие! И.. –

мне аж ущипнуть себя захотелось – у них все по-взрослому, какие-то мечи, пики – как у древних. Капец, думаю, свихнулся. Наверное, когда летел из машины головой обо что-нибудь... И тут раз, – вижу, один из них меня заметил, сделал остальными какой-то знак, и они стали стягиваться. У-у, чувствую, окружают!

Что делать? Побежал, ну наверх, на холм, а они и справа, и слева. Все, думаю, по снегу далеко не уйду, не вырваться мне, в клещи берут, сволочи... И тут они вдруг попятились куда-то. Пятятся, прячутся, а я не понял сначала. И тут вижу... Меня как громом в грудь фигануло. Там, на холме, мужик стоит одетый как этот... гардемарин. Думаю, что за хрень, он один, а их куча тучева. А ему по фигуре. Стоит, и шпага у него такая тонкая-тонкая, – сморщился Родион.

Лорд Эйза и Королева Иллис переглянулись.

– И я понял: все. Сейчас начнется. Не зря все эти призраки со своими мечами так засуетились. А он стоит... Вы не представляете как стоит! Умный, гад: ждет, чтобы поближе подошли! И шпага такая то-онкая такая. Я чувствую, все, пиздец, рыпаться бесполезняк ну по-олный. Он же меня заодно с этими призраками укопает и не заметит. Меня прямо так и пробрало, и я ползком, ползком... А потом как рванул, бежал, бежал и... вот здесь очутился. И они..., понимаете, вот только сейчас дошло, как оно все. Ну, в том смысле..., – Родион вдруг дернулся, привстал и мутным взглядом, из которого исчезало сознание, уставился в сторону двери, – Выходит они, вовсе и не за мной охотились..., – закончил он.

И отключился.

У двери стоял невысокий изящный человек в расшитом золотом камзоле. В одной руке у него была роскошная меховая шуба, а на перевязи висела длинная тонкая шпага. Тон-кая-тонкая...

– Здравствуйте, – проговорил человек хриплым голосом с акцентом, похожим на немецкий. И улыбнулся одним глазом – другой был закрыт живописной темной повязкой.

– Здравствуйте, – нерешительным и немного испуганным голосом проговорила за всех Настя, – Я вам сегодня говорила... Это он, капитан Дук.

– Да, лед – страшная вещь, – капитан Дук откинулся на спинку кресла и его полузакрытый глаз благодушно оглядел присутствующих. – Лед очень страшная вещь, но не самая страшная.

Иван повертел в руках кружку. Привычный предмет: массивная ручка, гладкие темно красные очертания, в которых тускло отблескивает огонь в печи. После недавней «газовой атаки» дом, кажется, снова нагрелся. А вот, его, Ивана, руки, белая кожа, пальцы, которые слишком коротки для того, чтобы хорошо играть на фортепиано, потемневший ноготь, который он не так давно прищемил дверью. Кто-то говорил, что если посмотреть на руки во время сна, то и во сне можно быть сознательным. Ну что ж, собственно, вот его руки, и что?

– Никак не предполагала, капитан, что для вас существуют страшные вещи, – заметила Королева Иллис.

– Ваше Величество, пусть меня разорвут на части сто пушечных ядер одновременно, и каждый кусочек плоти съедят разные рыбы, но еще никто не имел причин считать меня трусом! Просто, должен заметить, страшная вещь – это страшная вещь. Даже если ее не бояться.

– Извините, но мне тоже кажется, есть вещи пострашнее льда, – зачем-то сказал Иван, не отрывая глаз от рук, которые дернулись и начали тереть кружку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.